ОПИСАНО
„Пров 49“

СИБИРСКІЙ СОЮЗ
ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВ - РЕВОЛЮЦІОНЕРОВ.

В борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

1 шк
МС-Р
Н

Наши Задачи.

Изданіе Сибирскаго Союза
Партіи Соціалистов - Революціонеров.

1905 г.

6v2

„Пров 38“

„Пров 49“

ПИФ 87

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
22459

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Наши задачи . . . . . 1.

Основныя полежснія программы Соціалистов Революціонеров. . . . . 53.

Послѣсловіе С. Григоровича — Соціальдемократы и Соціалисты - Революціонеры. . 70.

Проэкт Программы Партіи Соціалистов Революціонеров. . . . . 96.

Насущные вопросы современной революціонной стратегіи. . . . . 111.

НАШИ ЗАДАЧИ.

Являясь перед русским обществом со своей программой революціонной дѣятельности, мы считаем необходимым предпослать ей краткое историческое введеніе, отнюдь не претендуя изложить здѣсь перечень событій и уложить в тѣсных рамках всю, хотя и краткую, но богатую фактами и глубоко поучительную исторію нашего революціоннаго движенія. Для этого есть достаточное количество разных революціонных матеріалов, наше же намѣреніе гораздо скромнѣе. Обращаясь к прошлому, мы хотим лишь опереться на него, воспользоваться нѣкоторыми, выработанными им принципами революціонной мысли и практики согласив их по возможности с неотложными требованіями дѣйствительности, и на таком прочном основаніи исторической преемственности идей построить свою программу дѣятельности. Краткій, историческій обзор полезен еще в одном отношеніи: в кругу той революціонной и просто мыслящей интеллигенціи различных слоев, к которой мы преимущественно обращаемся с настоящей программой, господствует поразительное невѣжество относительно нашего революціоннаго прошлаго, непониманіе его главных моментов и нерѣдко, при всем том, огульное, отрицательное отношеніе или просто игнорированіе его и стремленіе к революціонному новаторству. Ничего нѣт печальнѣе картины такого невѣжества и прервавшейся исторической преемственности идей. Мы не хотим бросать обвиненія всей русской интеллигенціи, но говорим лишь про молодую часть ея, ищущую свое вдохновеніе не в старательном изученіи прошлаго, а в презрительном, навѣяннам новыми учителями отношеніи к нему. Для такой то интеллигенціи, что бы быть лучше понятыми ею, мы и предпосылаем краткое историческое введеніе.

I

Приходится иногда слышать, что революціонное движеніе послѣднихъ дней во многомъ напоминаетъ эпоху 70-хъ г.г. Тоже оживленіе среди интеллигенціи, особенно учащейся молодежи, выражающееся въ появленіи революціонныхъ кружковъ и разнаго рода манифестовъ, призывающихъ къ пропагандѣ среди рабочей массы, тоже безчисленное множество программъ и разногласіе во взглядахъ на революціонныя задачи, и надъ всѣмъ этимъ, та же, темная сила самодержавія, та же, свирѣпая система преслѣдованія революціонеровъ, та же, картина повальныхъ арестовъ, ссылокъ и тюремныхъ заключеній...

Исторія не знаетъ точной повторяемости событій.

Но русская, общественная жизнь движется впередъ слишкомъ черепашьимъ шагомъ, не испытывая радикальныхъ потрясеній и поэтому не удивительно, что у насъ, отдѣленныхъ отъ эпохи 70-хъ годовъ сравнительно коротким промежуткомъ времени, можетъ оказаться совпаденіе въ нѣкоторыхъ принципахъ и пріемахъ дѣятельности, обусловленное наличностью неизмѣнившихся основъ общественнаго строя. Параллель съ 70-ми годами, какъ увидимъ впослѣдствіи, по совсѣмъ лишена основанія, и въ виду того, что только съ этой эпохи русское революціонное движеніе приняло массовый, организованный характеръ, мы и обратимся къ ней.

Мы знаемъ, что въ 70-хъ годахъ русская интеллигенція «пошла въ народъ». Сколько печатныхъ листовъ исписано объ этомъ пресловутомъ „хожденіи," сколько легендъ, вздорныхъ фактовъ истинныхъ и ложныхъ обобщеній и подчасъ пошлыхъ полемическихъ красотъ сказано по адресу т. н. „народничества." Здѣсь не мѣсто входить въ полемику съ разными гонителями соціалистическаго народничества и всякій, ищущій исторической правды, обратится, конечно, за указаніями не къ современной легальной печати, а къ достаточно богатой коллекціи революціонныхъ изданій*). Прося

*) Прекраснымъ матеріаломъ для знакомства съ революціонной исторіей Россіи, которымъ мы пользуемся, можетъ слу-

помнить, что употребляя в настоящем очерке термин, „народничество," мы подразумѣваем извѣстное, соціально —революціонное міросозерцаніе.

Итак интеллигенція пошла в народ. Из записки тогдашняго министра юстиціи гр. Палена, основанной на фактах дознанія, произведеннаго по поводу процесса 193-х, мы видим что революціонное движеніе среди интеллигенціи разлилось широко по Россіи и соціалистическая пропаганда была констатирована дознаніем в 37-х губ.

Какія же цѣли преслѣдовало это движеніе, в чем заключалась его теоретическая и практическая программа? Болѣе или менѣе точное указаніе на это мы находим в статьѣ „Наша программа," помѣщенной в журналѣ „Впередъ," издававшемся П. Л. Лавровым. „Для нас, в настоящую минуту - говорится там, - существуют двѣ, общечеловѣческія цѣли, двѣ борьбы, в которых должен участвовать всякій, мыслящій человѣк, становясь на сторону прогресса, а не реакціи... Это, во 1-х, борьба реальнаго міросозерцанія против міросозерцанія богословскаго, ясно сознанных человѣческих потребностей против всѣх идолов богословских и метафизических, теоретических и нравственных; короче говоря, борьба науки против религіи. Во 2-х, борьба рабочаго против классов, его эксплуатирующих, борьба свободной ассоціаціи против обязательной государственности." Первенствующее значеніе принадлежит второй формѣ борьбы. „Соціальный вопрос, — читаем дальше, — есть для нас вопрос первостепенный. Мы видим в нем самую важную задачу настоящаго, единственную возможность лучшаго будущаго. В союзѣ большинства рабочих в свободную ассоціацію, в организаціи этого союза для совокупнаго и могучаго дѣйствія, в торжествѣ этой организаціи и в установленіи новаго общественнаго строя на развалинах промышленных легальных го-

---

жить, вышедшій в 1897 г. сборник „За сто лѣт" (сотав. Бурцевым), „Матеріалы для исторіи русскаго соціально революц. движенія" (изд. группы старых народовольцев) вып. 1—10, „Вѣстник Народной Воли" и др.

сударств и сословій настоящаго, мы видим единственное средство осуществить это будущее."

Об-являя себя сторонниками соціализма, примыкая к его положеніям, которыя были высказаны на тогдашних международных конгрессах, русскіе соціалисты находили однако, что способы исполненія соціалистической программы различны для Россіи и Зап. Евр. „Для русскаго, принципіальная почва, на которой может развиться будущность большинства русскаго населенія в том смыслѣ, который указан общими задачами нашего времени — есть крестьянство с общинным землевладѣніем, развить нашу общину в смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами сдѣлать из мирской сходки основной политическій элемент русскаго общественнаго строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе его общественных потребностей, без котораго он никогда не сумѣет воспользоваться своими легальными правами, как бы они широки не были, и никак не выйдет из-под эксплуатаціи меньшинства, даже в случаѣ самаго удачнаго переворота, — вот спеціально русскія цѣли, которым должен содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса отечеству."

Таким образом, в примѣненіи к Россіи, общая формула теоретическаго соціализма должна была облечься в спеціальную формулу а г р а р н а г о соціализма. В основѣ такого міровоззрѣнія лежала глубокая увѣренность в присущій народу общинный дух, общинныя формы производства, могущія с помощью внесеннаго интеллигенціей сознанія и умственнаго развитія в среду крестьянства, постепенно вылиться в высшія формы соціалистическаго строя. Базисом экономическаго переустройства Россіи должна была послужить аграрная революція. Роль интеллигенціи в этом процессѣ заключалась в служеніи народу своим интеллектуальным развитіем, в раз-ясненіи народу настоящих задачъ, путем освѣщенія их с точки зрѣнія соціализма, и пробужденіи в нем активности для защиты своих интересов. На сколько широко распространена

была глубокая увѣренность в общинную солидарность крестьянства и вышеуказанную программу аграрнаго соціализма, показывает между прочим отношеніе к этому вопросу Западно — европейских соціалистов во главѣ с К. Марксом и Фр. Энгельсом

В предисловіи к русскому изданію, «Манифеста Коммунистической Партіи» 1882 г., К. Маркс и Фр. Энгельс говорят слѣдующее: «рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью, мы находим в Россіи б о л ь ш у ю половину земли в общинном владѣніи крестьян. Спрашивается теперь, — может ли русская община, эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытнаго коллективнаго владѣнія землей — непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму землевладѣнія? Или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложенія, который опредѣлило собою историческое развитіе Запада? Единственный возможный в настоящее время отвѣт на этот вопрос заключается в слѣдующем.

Если русская революція послужит сигналом рабочей революціи на Западѣ, так что обѣ онѣ пополнят друг друга, то современное русское землевладѣніе может явиться исходным пунктом коммунистическаго развитія.»

В нашу задачу сейчас не входит критическая оцѣнка народнической программы 70-х годов, но не можем не отмѣтить, что в положеніях ея заключалась не одна только утопія и игнорированіе русской дѣйствительностью, как это не рѣдко утверждается современными критиками «народничества,» и этим послѣдним необходимо считаться с вышеприведенным мнѣніем К. Маркса, неумолимаго противника всякой утопіи... Обратимся к дальнѣйшему уясненію программы соціалистов - народников.

Какими же средствами расчитывали они осуществить свои цѣли? Вѣруя в общинный дух народа, его, так сказать, соціалистичность, видя облегающую его цѣлую систему угнетенія со стороны высших классов, соціалисты должны были отвести своей инициативѣ скромное мѣсто истолко-

вателей народу его, еще плохо сознанных им задачь и готовиться к скорому, общему возстанію крестьянской массы, чтобы идти впереди ея. Непосредственная политическая борьба с самодержавіем признавалась излишней и даже вредной, ибо сам народ, разбуженный пропагандой, в момент своего возстанія, одновременно с экономическим переворотом сотрет это самодержавіе.

На первое мѣсто, - говорится в цитированной уже статьѣ «Наша программа,» - мы ставим положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только с цѣлью народнаго блага, не только для народа, но и посредством народа. Современный русскій дѣятель должен, по нашему мнѣнію, оставить устарѣлое мнѣніе, что народу могут быть навязаны революціонныя идеи, выработанныя небольшою группой болѣе развитого меньшинства, что соціалисты - революціонеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его мѣсто и ввести законодательным путем новый строй, облагодѣтельствовав им неподготовленную массу.»

«Вопрос политическій, - говорится там же, - для нас подчинен вопросу соціальному и в особенности экономическому... Государства, так. как они существуют, враждебны рабочему движенію и всѣ они должны окончательно разложиться. Но это - далекое будущее, это общественный идеал, который слѣдует имѣть постоянно в виду.»

«Всѣ политическія партіи, с их конституціонными идеалами, болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка, замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой — все это нам враждебно в своем основном строѣ и индифферентно для нас в своем проявленіи.»

Однако, к этому положенію сейчас же была сдѣлана существенная оговорка слѣдующаго свойства: «Эти факты исторической жизни буржуазнаго общества (т. е. смѣна политических форм) могут быть хороши или дурны, смотря по тому, обѣщают ли они организаціи рабочих союзов и принципам соціальной борьбы болѣе или

менѣе широкое вліяніе. Такъ какъ свобода мысли и слова свобода ассоціаціи, участіе низшихъ классовъ въ управленіи, расширеніе обученія, безусловно помогаютъ этимъ принципамъ, то мы будемъ ихъ поддерживать всюду, кто бы ни былъ ихъ сторонникомъ; но мы посовѣтуемъ нашимъ единомышленникамъ поддержать эти элементы политическихъ программъ и пользоваться ими, не вступая въ союзъ съ либеральными, партіями, которыя вносятъ ихъ въ свои программы Мы съ ними можемъ сходиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но наши цѣли безусловно различны »

Таковы были взгляды соціалистовъ-народниковъ на свои ближайшія задачи. Отстраняя отъ себя задачу непосредственной политической борьбы, считая борьбу за конституціонныя формы исторической задачей буржуазіи, соціалисты 70-хъ годовъ отклоняли отъ себя названіе политическихъ революціонеровъ, возлагая всѣ свои надежды на народное возстаніе, которое осуществитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и политическое переустройство Россіи. «Если бы мы стремились, — говорила на судѣ С. И. Бардина, обвиняемая по процессу 50-ти, — произвести политическій, государственный переворотъ, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому государственному перевороту вовсе не стремимся » Еще энергичнѣе высказано это въ рѣчи обвиняемаго по процессу 193-хъ Н. И. Мышкина: « Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не въ томъ, чтобы вызвать ,создать революцію, а въ томъ, чтобы только гарантировать успѣшный исходъ ея, потому что не нужно быть пророкомъ, чтобы при нынѣшнемъ, отчаянно бѣдственномъ положеніи народа предвидѣть, какъ неизбѣжный результатъ этого положенія — всеобщее народное возстаніе.

В виду неизбѣжности этого возстанія, нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно болѣе продуктивно для народа, и главное предостеречь его отъ всѣхъ фокусовъ, которыми запад.-европейская буржуазія обманывала тамош-

нюю народную массу и одна извлекла для себя выгоды из народной крови, пролитой на баррикадах. Ради этой цѣли наша практическая дѣятельность должна состоять в сплоченіи, в об-единеніи революціонных сил, революціонных стремленій в сліяніи двух главных, революціонных потоков: одного, недавно возникшаго и проявившаго уже порядочную силу — в средѣ интеллигенціи, и другого, болѣе широкаго, болѣе глубокаго, никогда не изсякавшаго потока народно-революціоннаго. В этом об-единеніи революціонных элементов путем окончательнаго сформированія соціально-революціонной партіи и заключалась вся задача движенія 1874—75 г.г. Задача эта, если не вполнѣ, то в значительной степени выполнена и знамя соціальной революціи водружено во всѣх концах русской земли.»

Итак, программа большинства соціалистов 70-х г.г была программой «мирных» пропагандистов, двумя основными чертами которой являлись: 1) безусловная увѣренность в возможность проникновенія большинства народа идеалом соціализма, и 2) отрицаніе необходимости непосредственной политической борьбы с самодержавіем.

Отмѣтим еще одно обстоятельство. В понятіе «народ», революціонеры 70-х гг. вводили не только одну крестьянскую массу, но и фабричную (городскую и сельскую), отнюдь не противополагая их друг другу, а скорѣе совершенно отождествляя их политическіе интересы.

Не чуждо было революціонерам также пониманіе разницы в удобствѣ пропаганды среди промышленных рабочих и крестьянства в видѣ различія их культурной обстановки и проистекающей отсюда большей воспріимчивости к пропагандируемым идеям. Уже при самом началѣ народническаго движенія, мы видим цѣлый ряд попыток пропагаганды среди городских рабочих: в школах, на фабриках и пр. С этой цѣлью устраивались чтенія, сходки, кассы, артели, мастерскія и т. п. В слѣдующіе годы, при массовом движеніи в деревню, рядом с организацієй поселеній и широкой пропагандой по разным мѣстностям Россіи, не оставлялась пропаганда и в городах.

Об этом свидѣтельствует масса мелких процессов, и в особенности дознаніе по большим процессам 50-и и 193-х.

Часть из распропагандированных рабочих снабжалась книгами, деньгами и отправлялась в деревню для дальнѣйшей пропаганды среди крестьян

Но программа мирной соціалистической пропаганды не была всеобщей для революціонной интеллигенціи 70-х гг.; уже на зарѣ революціоннаго движенія в области программных вопросов появился раскол, с нѣкоторыми измѣненіями и временными сокращеніями или усиленіями дожившій до наших дней. Рядом с мирными пропагандистами, выразителем взглядов которых был „Впередъ", существовали направленія т. н. бунтарей, якобинцев и др., отрицавших этот мирный характер ближайших задач, и требовавших политической борьбы. Органом пропаганды якобинства служила газ. „Набат" ,основ. Ткачевым. Программа этого направленія формулировалась слѣдующим образом.

„Ближайшая цѣль революціи должна заключаться в захватѣ политической власти, в созданіи революціоннаго государства. Но захват власти, являясь необходимым условіем революціи — не есть еще революція. Это только ея п р е л ю д і я. Революція осуществляется революціонным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные и реакціонные элементы общества, упраздняет всѣ тѣ учрежденія, которыя препятствуют установленію равенства и братства; с другой — вводит в жизнь учрежденія, благопріятствующія их развитію. Чтобы дать жизненную силу всѣм реформам, оно должно окружить себя органами народнаго представительства, Н а р о д н о й Д у м о й, и волею их санкціонировать свою реформаторскую дѣятельность. В то же время оно должно постоянно стремиться к расширенію народнаго развитія, к поднятію уровня его нравственных идеалов. И тут ему открывается широкое поприще для п р о п а г а н д ы, той пропаганды, о которой мечтают наши буржуазные псевдо — революціонеры".

„Мы утверждаем, — говорится далѣе, — что пропаганда только тогда и будет дѣйствительна и цѣлесообраз-

на, только тогда принесет ожидаемые от нея результаты, когда политическая власть будет находиться в руках революціонной Партіи. Слѣдовательно, не она должна предшествовать насильственному перевороту, а наоборот, насильственный переворот должен ей предшествовать.

Упрочив свою власть, опираясь на Народную Думу и широко пользуясь пропагандой, революціонное государство осуществит соціальную революцію рядом реформ в области экономических, политических и юридических отношеній общества".

В основѣ этих реформ должно было лечь постепенное преобразованіе в общественную собственность всѣх орудій производства в области земледѣлія и промышленности.

Выставив на первый план политическій переворот путем предварительнаго захвата власти, представители „якобинства" так опредѣляли возможность осуществленія подобной задачи: „Осуществить ее всего легче и удобнѣе посредством государственнаго заговора. Государственный заговор является, таким образом, если не единственным, то, во всяком случаѣ, главным и наиболѣе цѣлесообразным средством к насильственному перевороту. Но всякій, признающій необходимость государственнаго заговора, тѣм самым должен признать и необходимость дисциплинированной организаціи революціонных сил. Только при такой организаціи может быть достигнута с успѣхом и с наименьшею затратой сил наша задача. Только такая организація может оградить личную безопасность революціонеров-борцов, только оно может дать нам возможность отомстить нашим палачам за наших мучеников — героев, за наших братьев и товарищей. Только с ея помощью в состояніи мы будем удержаться на том пути непосредственно революціонной дѣятельности, на который вступила теперь лучшая и наиболѣе энергическая часть нашей молодежи.

Организація, как средство дезорганизаціи и уничтоженія существующей правительственной власти, как ближайшая, насущнѣйшая цѣль, — такова должна быть в

настоящее время единственная программа дѣятельности всѣх революціонеров, без различія фракцій".

Такова программа „якобинства". Она являлась первым отголоском неоправдавшейся надежды революціонеров достигнуть своих пропагаторских цѣлей, не встрѣчаясь на своем пути с врагом — самодержавіем. Встрѣча эта произошла и революціонная мысль, испытавшая на себѣ цѣлую систему полицейских преслѣдованій и жестоких расправ, начала работать в направленіи отрицанія мирной соціалистической пропаганды. Но политическим задачам и нѣкоторым выработанным „якобинством" принципам практической дѣятельности суждено было вполнѣ осуществиться гораздо позднѣе, и программа соціалистической „мирной" пропаганды продолжала всетаки занимать первенствующее положеніе в эту эпоху.

Послѣ отдѣльных кружковых попыток пропаганды в народѣ, попыток многочисленных и не соединенных одним общим планом и центром, послѣ цѣлаго ряда преслѣдованій соціалистов со стороны правительства, завершившихся процессами 50-ти и 193-х, на мѣсто этого недисциплинированнаго, массового движенія в 1877 г. появляется партійная организація народников: „Земля и Воля", охватившая большинство тогдашних революціонных сил.

В основных теоретических положеніях народники „Земли и Воли" мало отличались от своих предшественников, но значительная разница произошла в партійных задачах тактики и во взглядах на политическія задачи.

„Революція — дѣло народных масс, — говорится в программной статьѣ „Земли и Воли". Подготовляет их исторія. Революціонеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудіями исторіи, выразителями народных стремленій. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремленій и требованій, и поднимая его на борьбу с цѣлью их осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который по непреложным законам исторіи совершается в данный період. Внѣ этой роли, они — ничто; в

предѣлах ея они — один из могущественных факторов исторіи. Поэтому, основаніем всякой истинно — революціонной программы должны быть народные идеалы, как их создала исторія в данное время и в данной мѣстности".

Каковы же эти народные идеалы?

„Во всѣ времена, гдѣ бы и в каких бы размѣрах ни поднимался русскій народ, он требовал „земли и воли". З е м л и, как общаго достоянія тѣх кто на ней работает, и в о л и, как общаго права всѣх людей самим распоряжаться своими дѣлами. Отнятіе земель у помѣщиков и бояр; изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства; всѣх представителей государства, и учрежденіе „казачьих кругов", т. е. автономных вольных общин с выборными отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли — такова была неизмѣнная „программа" народных революціонеров — соціалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников. Такова же, без сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа. Поэтому ее принимаем и мы революціонеры — народники.

Развивая далѣе свой идеал народничества, программа говорит: „мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тѣни, и не потому, чтобы мы не считали экспропріацію фабрик необходимой, а потому что исторія, поставившая на первый план в Запад. Европѣ вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, замѣнив его вопросом аграрным. А между тѣм революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанію необходимости экспропріаціи фабрик и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себѣ могилу. Точно также и городское соціалистическое движеніе, если бы оно началось независимо от деревень, неминуемо наткнулось бы с первых же шагов на вопрос о соціализмѣ аграрном. Мы не станем предрѣшать в нашей программѣ вопросов, касающихся частных форм

будущаго соціалистическаго строя. Все это вопросы будущаго. Предоставим же будущее будущему. Настоящему предстоит достаточно громадная задача: осуществленіе народной революціи, которая одна в состояніи развить будущій соціалистическій строй из тѣх элементарных основ соціализма, которыя уже созданы в умах народа".

Ближайшія задачи „Земли и Воли", как и их предшественников сводились, таким образом, к широкой пропагандѣ в народѣ соціалистической программы, но были весьма существенныя отличія. Прежде всего пропаганда велась отнынѣ уже такой организацией, во главѣ которой стоял центр (администрація), вѣдавшій дѣятельность всѣх мѣстных групп. Затѣм, пропагайда должна была охватить, кромѣ крестьянства и другіе слои населенія. Так, для пропаганды среди интеллигенціи, или вѣрнѣе среди молодежи, была создана спеціальная „интеллигентная группа"; для пропаганды, агитаціи и организаціи среди рабочих — „рабочая группа". Но дѣятельность среди крестьянства, однако, занимала первенствующее мѣсто, и спеціально вѣдавшая это группа „деревенщина" была самой многочисленной. Наиболѣе отличительным от прежней народнической тактики нововведеніем было созданіе при организаціи общества „Земли и Воли" особой так наз. „дезорганизаторской группы".

„Характер дѣятельности этой группы, — говорит историк землевольчества, *) тѣ широкія полномочія, которыя она получила от общества, сразу поставили ее в исключительное положеніе. Дезорганизаторская дѣятельность в широком смыслѣ этого слова имѣла цѣлью рядом разнообразных дѣйствій и положеній ослабить правительственный механизм, внося в него элементы вражды и разложенія. Членам этой группы вмѣнялось между прочим в обязанность завязывать сношенія с разнообразными лицами правительственных сфер с тѣм, чтобы при помощи

*) См. об этом в статьѣ Серебрякова „Земля и Воля" (Матеріал для исторіи революціонных движеній).

этих послѣднихъ открывалась возможность к занятію важных, для революціонных цѣлей, должностей. В спеціальном смыслѣ дезорганизаторская дѣятельность преслѣдовала слѣдующія цѣли:

1) Освобожденіе из-подъ ареста товарищей.

2) Защита от правительственнаго произвола.

В виду того, что правительственныя лица, особенно в тюрьмах, позволяли себѣ возмутительные поступки с заключенными, чтобы вынудить от них нужныя показанія, общество „Земля и Воля“, не задаваясь пока цѣлью непосредственной борьбы с правительством, сочло тѣм не менѣе нужным создать группу для спеціальных случаев такой борьбы, когда этого, напримѣр, требовала честь всей революціонной партіи.

Третьей задачей дезорганизаторской группы была самозащита, т. е. обязанность в случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другого лица, уничтожить его.

Таким образом, появленіе дезорганизаторской группы было первым, как увидим ниже, роковым для народническої пропагаторской дѣятельности, шагом, вызванным окружающими политическими условіями. Признав необходимость дезорганизаторских фактов, положив начало политическому террору, революціонное движеніе тѣм самым вступило в совершенно новую фазу своего развитія, хотя это вступленіе и совершалось на первых порах осторожно. Скоро, под вліяніем правительственных гоненій, общество „Земля и Воля“ стало удѣлять значительную часть своих сил на политическій террор. В 1878 г., в отвѣт на репрессаліи, был убит шеф жандармов Мезенцев, в 1879 г. убит Крапоткін; в это же время состоялось неудавшееся покушеніе на Дрентельна. Учащаются случаи вооруженной самозащиты, убійства шпіонов, и в печатных органах „Земли и Воли“ проповѣдь мирной пропаганды начинает смѣняться призывом к террору, в особенности послѣ жестокой судебной расправы с одним из участников общества — Бобоховым (в 1879 г.).

Вступив на путь политическаго террора, хотя еще как оружіе мести и самозащиты, тратя на это весьма серь-

езное дѣло значительное количество своихъ силъ, общество „Земля и Воля“ должно было фактически отказаться отъ широкихъ плановъ пропаганды въ народѣ, и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что революціонное движеніе начинаетъ все болѣе сосредоточиваться въ крупныхъ центрахъ. Но сверхъ этого, причины такого перемѣщенія революціонныхъ силъ лежатъ глубже — въ начавшемся скептическомъ и даже отрицательномъ отношеніи революціонеровъ къ своей прежней тактикѣ пропагандистовъ и къ ближайшимъ задачамъ. Правительственная система опеки народа отъ посторонняго вліянія, полная неподготовленность крестьянства къ быстрому усвоенію соціалистическаго міросозерцанія, гоненія на революціонеровъ на мѣстѣ ихъ дѣйствія, гоненія жестокія, стиравшія иногда сразу результаты ихъ успѣшной долгой дѣятельности и, какъ отвѣтъ на это положеніе вещей, начавшаяся террористическая борьба, — все это должно было расшатать довѣріе къ принципамъ землевольческой программы дѣйствій, какъ несоотвѣтствующей требованіямъ времени. Оставаясь народниками-соціалистами по основнымъ своимъ взглядамъ, революціонеры уже не могли не видѣть неизбѣжности столкновенія съ политической властью, неизбѣжности устраненія своего главнаго препятствія — самодержавія, словомъ, должны были внести въ свою программу требованія непосредственной политической борьбы, борьбы не случайной, какъ факты мести или самозащиты, а въ видѣ организованнаго нападенія на правительственную власть.

Но признать это — значило проститься съ господствовавшими до сихъ поръ воззрѣніями на ненужность политической борьбы, на возможность и неизбѣжность политическаго переворота, совершаемаго самимъ народомъ въ моментъ его общаго возстанія и т. п. Жизнь, однако, толкала къ этой перемѣнѣ во взглядахъ, фактическая борьба уже началась и неумолимо влекла революціонеровъ къ конечнымъ выводамъ, — къ сознанію законности и цѣлесообразности совершившагося, т. е. къ признанію неизбѣжности и желательности непосредственной, организованной политической борьбы и введенію ея въ свою теоретическую программу и созна

тельной подготовкѣ силъ для подобной борьбы.

Но разъ такое признаніе совершилось въ умахъ большинства членовъ организаціи, то послѣдняя, конечно, должна была исчезнуть, и она исчезла, уступивъ мѣсто другому, вызванному жизнью, могучему революціонному движенію, нашедшему себѣ выраженіе въ появленіи Партіи „Народной Воли“.

II.

В 1879 г послѣ общереволюціоннаго с-ѣзда, общество „Земля и Воля“ окончило свое существованіе, распавшись на двѣ партіи: „Черный Передѣлъ“ и „Народная Воля“.

Партія „Черный Передѣлъ“ составилась изъ меньшинства бывшихъ землевольцевъ, сохранивъ свою прежнюю программу. Дѣятельность этой Партіи была кратковременна, и программа ея очень скоро подверглась радикальному измѣненію. О ней мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь обратимся къ дѣятельности „Народной Воли“.

Въ виду огромнаго историческаго значенія, какое пріобрѣла эта Партія въ нашемъ революціонномъ движеніи, въ виду того, что дѣятельность отдѣльныхъ группъ „Народной Воли“ не прекращается и въ наше время, въ виду, наконецъ, того обстоятельства, что ни одна изъ русскихъ революціонныхъ программъ по сравненію съ народовольчествомъ не возбуждала столько разнорѣчивыхъ оцѣнокъ и всевозможныхъ ложныхъ мнѣній, и не рѣдко, въ особенности среди нашего поколѣнія, прямо поразительныхъ по своей неосновательности характеристикъ теоретическихъ и практическихъ взглядовъ этой Партіи, въ виду всего этого намъ приходится возможно подробнѣе познакомиться съ послѣдней, пользуясь тѣмъ литературнымъ матеріаломъ, который имѣется у насъ на лицо. Основнымъ литературнымъ источникомъ для знакомства съ теоретической и практической сторонами программы „Народной Воли“ нужно считать опубликованную въ 1879 г. программу „Исполнительнаго Комите-

ЗАВЪДУЮЩІЙ ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ОТДѢЛОМЪ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

та" — центральнаго органа Партіи.

Вот что мы находим здѣсь: „По своим основным убѣжденіям мы с о ц і а л и с т ы и н а р о д н и к и. Мы убѣждены, что только на соціалистических началах человѣчество может воплотить в своей жизни свободу, равенство братство, обезпечить общее матеріальное благосостояніе и полное всесторонее развитіе личности, а стало быть - прогресс. Мы убѣждены, что только народная воля может санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда каждая идея, имѣющая воплотиться в жизнь, проходит через сознаніе и волю народа. Народное благо и народная воля — два наши священнѣйшіе и неразрывно связанные принципа"

Характеризуя, далѣе, русскую дѣйствительность, программа указывает на полное экономическое и политическое рабство народа и на облегающіе его слои эксплуататоров, создаваемых и защищаемых государством, — „этой крупнѣйшей в странѣ каниталистической силой," на держащійся исключительно голым насиліем государственно — буржуазный нарост и на полное несоотвѣтствіе экономических и политических принципов и форм с народными желаніями и идеалами. Эти послѣдніе характеризуются программой слѣдующим образом:

„ В самом народѣ мы видим еще живыми, хотя всячески подавляемые, его старые традіціонные принципы:

Право народа на землю.

Общинное и мѣстное самоуправленіе.

Зачатки федеративнаго устройства.

Свободу совѣсти и слова.

Эти принципы получили бы широкое развитіе и дали бы совершенно новое направленіе, в народном духѣ, всей нашей исторіи, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет, сообразно со своими собственными наклонностями".

В виду таких условій цѣлью Партіи является: снять с народа подавляющій его гнет современнаго государства, произвести политическій переворот с цѣлью передачи вла-

сти народу". „Мы полагаем, - говорится далѣе, - что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собраніем, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкціях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявленія народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практикѣ и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней. Подчиняясь вполнѣ народной волѣ, тѣм не менѣе, мы, как Партія, сочтем долгом явиться перед народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем пропагандировать во время избирательной агитаціи, ее мы будем защищать в Учредительном Собраніи. Эта программа слѣдующая:

1) Постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано и имѣющее полную власть во всѣх общегосударственных вопросах.

2) Широкое областное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣх должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа.

3) Самостоятельность міра, как экономической и административной единицы.

4) Принадлежность земли народу.

5) Система мѣр, имѣющих передать в руки рабочих всѣ заводы и фабрики.

6) Полная свобода совѣсти, слова, печати, сходок, ассоціацій и избирательной агитаціи.

7) Всеобщее избирательное право без всяких сословных и имущественных ограниченій.

8) Замѣна постоянной арміи территоріальной. „

Такова теоретическая часть программы „Народной Воли".

Для осуществленія поставленных цѣлей дѣятельность Партіи должна была заключаться в слѣдующем:

1) Дѣятельность пропагаторская и агитаторская.

2) — Разрушительная и террористическая.

3) Организація тайных обществ и сплоченіе их вокруг одного центра.

4) Пріобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей в

администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ.

5) Организація и совершеніе переворота.

6) Избирательная агитація при созваніи Учредительнаго Собранія.

Практическія задачи программы „Народной Воли" далѣе подробно были изложены в особой запискѣ подназваніем „Подготовительная Работа Партіи". Этой запиской мы и воспользуемся.

Дѣятельность Партіи велась централистически организованным путем. Во главѣ стоял „Исполнительный Комитет", которому были подчинены мѣстныя (т. е. провинціальныя) и спеціальныя организаціи. На обязанности мѣстных организацій лежала вся пропагаторская и агитаціонная дѣятельность Партіи в различных слоях населенія. Спеціальныя организаціи создавались для какой либо опредѣленной цѣли: для пропаганды в извѣстных слоях населенія, для каких либо производств, добыванія средств и т. п.; из них же впослѣдствіи образовались т. н. „Боевыя Группы" террористическаго характера

С цѣлью подготовленія благопріятных условій для политическаго переворота и привлеченія на свою сторону возможно большаго количества союзников, мѣстныя организаціи „Народной Воли" должны были заручиться:

1) Положеніем в администраціи и в войскѣ.

2) Вліяніем на крестьянство.

3) По возможности сходиться с мѣстными либералами и конституціоналистами.

4) Запасаться матеріальными средствами.

5) Основательно знакомиться с своей областью.

Вот как представлялась эта дѣятельность составителям программы:

„Пріобрѣтеніе положенія в администраціи и войскѣ особенно важны для первых моментов движенія. Даже самое неполное достиженіе успѣха в этом отношеніи может в значительной степени помочь дѣлу. Когда при извѣстіи о возстаніи мѣстныя власти вздумают помочь правительству, немного нужно, чтобы смутить их. Когда

губернатор видит колебания среди хотя нѣскольких своих подчиненных, когда слышит от них указания на опасность связывать свою судьбу с падающим правительством; когда другіе члены Партіи производят демонстраціи среди общества, народа; когда среди офицерства и особенно начальников отдѣльных частей оказываются два — три случая неповиновенія, этого уже достаточно для того, чтобы губернія осталась в нейтралитетѣ сегодня и, стало быть, завтра перешла в руки революціонеров.

В отношеніи крестьянства слѣдует занимать мѣста, гдѣ возможно близкое соприкосновеніе с массами, заслуживать их уваженіе своим поведеніем, помогать им, защищать их интересы, опираясь на содѣйствіе чиновных и вліятельных членов Партіи. Не веди массовой пропаганды, должно, однако, сходиться с лучшими из крестьян, обращая их по возможности в сознательных сторонников Партіи, знакомя их с ея цѣлями.

В отношеніи к либералам слѣдует, не скрывая своего радикализма (т. е соціалистическаго революціоннаго міросозерцанія), указывать на то, что, при современной постановкѣ партіонных задач, интересы наши и их заставляют совмѣстно дѣйствовать против правительства.

Изученіе губерніи должно быть самое основательное; личности начальствующих, вліятельных в обществѣ, войскѣ, земствѣ или городских учрежденіях, людей, их взаимныя отношенія, пререканія и проч. должны быть точно извѣстны; необходимо знать количество войск, мѣсто нахожденія их, а также разных складов и учрежденій; необходимо наблюдать за настроеніем народных масс, знать их ожиданія, надежды, неудовольствія и старательно намѣчать народных вожаков, сходясь возможно тѣснѣе.

Короче, вся внутренняя жизнь данной области, всѣ ея наличныя силы, имѣющія политическое значеніе, должны быть тщательно изучены".

Спеціальная группа, как сказано выше, наравнѣ с другими задачами вѣдала также дѣло пропаганды среди рабочих, интеллигенціи, войск. Программа так опредѣляет роль городских рабочих в революціонном движеніи:

„Городское рабочее населеніе, имѣющее особенно важное значеніе для революціи, как по своему положенію, так относительно большей развитости, должно обратить на себя серьезное вниманіе Партіи. Успѣх перваго нападенія всецѣло зависит от поведенія рабочих и войска. Если Партія заранѣе заручится такими связями в рабочей средѣ, чтобы в момент возстанія имѣла возможность закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть их на улицу. — это уже на половину обезпечит успѣх дѣла. С другой стороны, городскіе, рабочіе в силу своего положенія, явятся представителями чисто народных интересов и от их болѣе или менѣе активнаго отношенія к возстанію, к мѣрам временнаго правительства значительно зависит весь характер движенія и степень полезности революціи для народа. Поэтому в рабочей средѣ должна усиленно вестись:

1) Пропаганда соціалистических идей (чѣм шире, тѣм лучше).

2) Пропаганда политическаго переворота и созданія демократическаго правительства, как перваго шага к осуществленію народных требованій.

Рядом с пропагандой должна идти организація рабочих масс, имѣющая цѣлью сплотить их, развить в них сознаніе единства и солидарности интересов. Организація рабочих может быть ведена на всякой почвѣ, начиная с устройства артелей, товариществ, кружков самообразованія, стачек и кончая чисто революціонными сообществами.

Члены Партіи должны составлять из развитых людей кружки послѣдняго рода и разсѣивать членов этих кружков по всѣм фабрикам и заводам для образованія групп перваго рода с тѣм, чтобы:

1) Повышать постоянно уровень рабочих масс.

2) Намѣчать и присоединять к себѣ новых личностей из их среды.

3) Чтобы при переворотѣ имѣть возможность взволновать самую обширную массу рабочих.

Взгляд на роль рабочих в революціи был подробно развит в особой программѣ рабочих групп „Народной Воли",

Пропаганда велась среди рабочих особой организаціей, во главѣ которой стоял „Центральный Рабочій Союз.“

Чтобы болѣе точно охарактеризовать дѣятельность Партіи „Народная Воля“ среди рабочих и крестьянства, выяснить ея взгляды и надежды на эти два слоя и, наконец, раскрыть всю неосновательность упреков, дѣлаемых иногда по адресу программы „Народной Воли“ за ея, якобы, игнорированіе рабочей массы вообще сосредоточиваніе дѣятельности только среди интеллигенціи, мы позволим себѣ привести по этому поводу мнѣніе самих народовольцев, помѣщенное в № 10 газеты „Народная Воля“ 1884 г.

„Наш тактическій принцип,— говорится там, — который прилагается одинаково ко всѣм сферам нашей дѣятельности, между прочим и в народѣ, — это наиболѣе экономная и цѣлесообразная затрата сил с цѣлью произведенія переворота, передающаго власть в руки народа. Во избѣжаніе недоразумѣнія напомним, что наша Партія никогда не ждала этого переворота исключительно от заговора. Переворот может быть результатом самостоятельной революціи; Партія, во всяком случаѣ, должна принять участіе в революціи, чтобы помочь ей закончиться указанным переворотом. Мы ведем в народѣ лишь такую дѣятельность, которая дѣйствительно способствует перевороту т. е. окупает затрачиваемыя нами силы и увеличивает в наибольшей степени способность Партіи выполнить свои задачи. С этой точки зрѣнія мы отрицаем не „дѣятельность“ в народѣ, а именно „бездѣятельность,“ „сидѣніе в народѣ,“ болтовню о народѣ, такую якобы дѣятельность, которая в самом дѣлѣ составляла чисто „политическую фразу“. В такую политическую фразу неизбѣжно превращается все, что по самым условіям жизни или по количеству наших сил — не выполнимо. Но отрицая фразу, мы сами настаивали на необходимости дѣлать в народѣ то, что представляет дѣйствительную, реальную задачу. На такую работу „Народная Воля“ энергически звала революціонеров с самаго начала. Уже программа „Исполнительнаго Комитета“ вырабатывавшаяся под грохот динамитных взрывов, напоминает

нам о необходимости обратить самое серьезное вниманіе на народ. „Партія, — говорит программа должна пріобрѣсти себѣ сознательных сторонников в наиболѣе выдающейся части крестьянства, должна подготовить себѣ активное содѣйствіе масс в наиболѣе важных пунктах и среди наиболѣе воспріимчиваго населенія“ (§4).

На необходимость пропаганды среди народа и рабочих указывает, затѣм, вся литература и публицистика народовольчества. Что касается самой дѣятельности, то, разумѣется, всегда и вездѣ, не трудно обращаться к другим с упреками: почему не сдѣлали того или другого, почему не сдѣлали больше и т. д. Напомним строгим критикам, что успѣх дѣятельности зависит не от одних стараній и даже не от одной умѣлости, а в гораздо большей степени от об-ективных условій. Нельзя сдѣлать больше того, что возможно при данных условіях, и „Народная Воля“ сдѣлала в народѣ во всяком случаѣ больше, чѣм кто другой, Нам часто говорили: вы бы сдѣлали больше, если бы направили в народ больше сил... Конечно, это правда, но к несчастію, мы не могли этого дѣлать, не покидая всѣх других отраслей дѣятельности: если бы их покинули, мы не в состояніи были бы производить воздѣйствіе и на самый же народ. Революціонная Партія должна бороться против существующаго строя гораздо болѣе широко, наглядно и энергично, чѣм это возможно, находясь исключительно в народѣ. Народ для того, чтобы понимать нас, должен видѣть в нас силу б о р ю щ у ю с я и уже это одно не позволяет нам уйти цѣликом в современную массу. Сверх того, судьбы всей русской революціи существенно зависят от того, насколько быстро мы успѣем разрушить самый центр гнетущаго народ строя — самодержавное правительство. Поэтому, уничтожать или ослаблять ту армію, которая непосредственно борется против правительства — есть преступленіе и измѣна народному дѣлу, т. к. это значило бы лишить себя возможности оказывать на массу дѣйствительно широкое воздѣйствіе. Так смотрѣли на дѣло наши предшественники, но за тѣми ограниченіями, которыя бы-

ли неизбѣжны, они направляли в народ всѣ силы.

Цитируем характеристику, сдѣланную П. Л. Лавровым в его „Взгляды на прошедшее и будущее русскаго соціализма". « Усиленная пропаганда среди рабочих, выставленная как одна из задач подготовительной работы Партіи, в нѣкоторых мѣстностях выходила даже за предѣлы городских групп рабочих. В болшей части мѣстных групп дѣятельность среди рабочих поглощала большую часть сил. Первая рабочая организація народовольческой Партіи образовалась в Петербургѣ и около нея группировались многія сотни рабочих. С 1880 г. стал появляться ея орган „Рабочая Газета". Двѣ мѣстныя группы нашли возможность вести энергическую агитацію на почвѣ аграрнаго вопроса и среди крестьянскаго населенія».

« Напомним еще, что у таких людей, как Желябов, Перовская, Халтурин, Тригони, Михайлов и др., личная дѣятельность среди рабочих поглощала значительную часть сил даже в самый разгар террористической борьбы ».

« Наши задачи теперь сводятся лишь к подготовкѣ возможности такой организаціи, какая необходима будет в эпоху революціи, т. е. организаціи, охватывающей одновременно и нас, и значительныя массы народа. В настоящее время для подготовки такой возможности, мы можем создать только извѣстную с в я з ь между собой и народом, связь в нѣкоторой незначительной степени организаціонную и уже в гораздо большей степени нравственную. Это все, чего можно достигнуть, пока держится существующій строй. Но за то мы обязаны достигнуть всего, что только в этом случаѣ возможно.

Мы считаем прямо вредными несбыточныя мечты о широкой народной организаціи. Не широкая организація нужна, а прочная, рѣшительная, революціонная. Сверх того, она вообще нужнѣе всего там, гдѣ должен быть нанесен правительству главный удар. По всѣм этим причинам мы должны прежде всего создать нѣкоторые небольшіе, но испытанные революціонные кадры среди г о р о д с к и х рабочих, с тѣм чтобы эти группы заранѣе обез-

печили себя обширными связями с остальной массой городских рабочих и, разумѣется, с крестьянством, поскольку это возможно.

Что касается крестьянства, то кромѣ такихъ посредственныхъ связей, мы должны по необходимости удовольствоваться выработкой в нем лишь отдѣльных личностей, сознательно и систематически способствующих планам Партіи».

Приведенных выписок, надѣемся, достаточно для подтвержденія наших слов о полной несостоятельности мнѣнія, что народовольчество не задавалось серьезными задачами среди городских рабочих и пользовалось этой средой для привлеченія лишь отдѣльных лиц к террористической борьбѣ. Ниже мы вернемся еще к этому вопросу, а теперь перейдем к выясненію программы дѣятельности „Народной Воли“ среди других слоев населенія.

На роль интеллигенціи и молодежи в революціонном движеніи Партія „Народной Воли“ смотрѣла слѣдующим образом:

«Интеллигенція и молодежь в частности составляют такія сферы, гдѣ каждое честное направленіе должно только давать о себѣ знать, чтобы имѣть сторонников. Больших комментаріев к способам дѣйствія в этой средѣ не требуется. Относительно молодежи важно поддерживать в ея рядах революціонныя тенденціи, воспитывая молодое поколѣніе в революціонном духѣ и давая дѣятельность, доступную для его сил и в тоже время полезную для дѣла революціи. Так учащаяся молодежь может поддерживать в своей средѣ дух солидарности, стойкость в борьбѣ и гражданское мужество, добиваясь расширенія студенческих прав, может вести пропаганду среди рабочих, помогать распространенію революціонных изданій и т. п.».

Впослѣдствіи, в особой „инструкціи“, были составлены болѣе подробныя указанія тѣх услуг революціонному дѣлу, которыя может оказывать учащаяся молодежь. Услуги ея были громадны во всѣх сферах дѣятельности Партіи „Народная Воля“ и в дѣлѣ пропаганды, и непосредственной борьбы с правительством и организаціонном

отношеніи Партія дѣйствовала на молодежь посредством студенческой „подгруппы", бывшей при каждой мѣстной группѣ. В Петербургѣ с 1880 г. организована была особая „Студенческая Центральная Группа".

Отношеніе Партіи „Народная Воля" к либеральной интеллигенціи уже указано выше.

Огромное значеніе Партія придавала привлеченію на свою сторону части войска, видя в нем сильное орудіе при переворотѣ. Отказываясь в виду трудности от непосредственной массовой пропаганды среди солдат, Партія дѣйствовала на офицерство, как передаточный пунктъ и как на силу, способную, пользуясь дисциплиной и властью удержать подчиненныя им войска от противодѣйствія революціи. В отдѣльных случаях члены Партіи, особенно рабочіе, вели самостоятельную пропаганду среди солдат. Своей пропагандой в войсках „Народная Воля" успѣла достигнуть значительных успѣхов, и около „Исполнительнаго Комитета" в 1880-82 г. сгруппировалось нѣсколько военно-революціонных организацій. В это же время появилась общая „программа военно-революціонной организаціи" подробно выясняющая планъ организаціи среди военных и способы пропаганды.

Наконец, кромѣ дѣятельности среди различных слоев населенія Россіи, Партія «Народная Воля» считала необходимым в своей подготовительной работѣ знакомить со своей программой Зап. Европу, с цѣлью заручиться симпатіями ея общественнаго мнѣнія.

Такова, в главных чертах, широкая программа „Народной Воли". Прежде чѣм перейти к разсмотрѣнію того, как осуществлялась в жизни эта программа, будет не лишним познакомиться с тѣм планом будущаго переворота, как он представлялся в эпоху составленія программы.

«Уничтоженіе нынѣ существующей правительственной системы — говорит программа, — может произойти, конечно, весьма различными путями. Может быт, напримѣр, одряхлѣвшее правительство, не дожидаясь возстанія, рѣшится пойти насамыя широкія уступки народу. Это была бы, так сказать, естественная смерть стараго порядка.

Может быть также, правительство, не сдаваясь вполнѣ, даст, однако, настолько свободную конституцію, что для Партіи будет выгоднѣе отсрочить возстаніе с тѣм, чтобы, пользуясь свободой дѣйствій, возможно лучше организоваться и укрѣпиться. Но всѣ подобныя соображенія нисколько не отрицают необходимости теперь готовиться к возстанію, ибо:

1) Всякія уступки, мелкія или крупныя, мыслимы со стороны правительства только тогда, когда оно будет к тому вынуждено.

2) Никаких существенных уступок со стороны правительства может очень легко и не быть, и гораздо вѣроятнѣе, — не будет; Партія же обязана исполнить свои задачи и в этом случаѣ. Поэтому Партія должна подготовляться именно к возстанію; если же оно, паче чаянія, окажется лишним, то тѣм лучше: собранныя силы пойдут на мирную работу.

Что касается самого возстанія, то для него по всей вѣроятности можно будет выбрать благопріятный момент, когда сами обстоятельства значительно облегчат задачу заговорщиков. Такія благопріятныя обстоятельства создаются народным бунтом неудачной войной, государственным банкротством, разными усложненіями европейской политики и т. п. Каждым из таких благопріятных обстоятельств. Партія должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работѣ она не должна возлагать на них всѣх своих надежд. Партія должна имѣть силы создать сама себѣ благопріятный момент дѣйствія, начать дѣло и довести его до конца. Искусно выполненная система террористическихъ предпріятій одновременно уничтожающих 10-15 человѣк столпов современнаго правительства, приведет его в панику, лишит единства дѣйствій и в тоже время возбудит народныя массы, т. е создаст удобный момент для нападенія.

Пользуясь этим моментом, заранѣе собранныя боевыя силы, начинают возстаніе и пытаются овладѣть главнѣйшими правительственными учрежденіями. Такое нападеніе легко может увѣнчаться успѣхом, если Партія обезпечит

себѣ возможность двинуть на помощь первымъ застрѣльщикамъ сколько нибудь значительныя массы рабочихъ и пр., поднять провинціи при первомъ извѣстіи о переворотѣ или хоть удержать ихъ в нейтралитетѣ, обезопасить возстаніе от помощи правительству со стороны европейскихъ державъ и проч. »

Итак, переустройство общества на соціалистическихъ началах, в основѣ своей имѣющихъ требованіе аграрнаго соціализма, затѣм свободная политическая форма государства, осуществляющая народную волю такова основная цѣль партіи „Народная Воля".

Организованное революціонное заговорщицкое возстаніе с цѣлью захвата власти и уничтоженія самодержавія при помощи систематическаго террора, поддержаннаго широким народным движеніем в деревнях и особенно в городах и сочувствіем войска, — таков был план осуществленія требованій программы в жизни.

Оставаясь по существу народнической, Партія „Народная Воля", однако отказалась от широких планов соціалистической пропаганды в крестьянствѣ, сосредоточив ее, в виду большей продуктивности, среди городских рабочих. Существенныя измѣненія произошли так-же и в воззрѣніях на непосредственныя задачи, и во всем характерѣ революціонной борьбы. На первый план, как нѣчто неотложное, как требованіе жизни, выдвинулась политическая борьба — уничтоженіе самодержавія. К этому приурочена была вся организація и с этой точки зрѣнія распредѣлена роль в революціонном движеніи различных слоев населенія. Требованіе непосредственной политической борьбы, введенное в программу, создало новую эру русской революціи, вывело ее на совершенно иную дорогу, на твердую почву, согласовав программныя требованія с требованіями об-ективных условій русской жизни, дававших всегда себя чувствовать прежним революціонным попыткам и завоевывавшим постепенно, в лицѣ отдѣльных направленій (напр., якобинства и др.) признаніе своей неотложности.

Таким образом, самой характерной особенностью Пар-

тіи „Народная Воля“ необходимо признать ея требованіе непосредственной политической борьбы и оставленіе на будущее плана широкой соціалистической пропаганды и всенароднаго возстанія, долженствующаго перестроить общество на новых началах.

Как же осуществлялась в жизни программа „Народной Воли“?

Не намѣреваясь давать подробной картины событій, мы упомянем лишь о главных моментах дѣятельности Партіи. Со времени отпаденія „Народной Воли“ от организаціи „Земля и Воля“ идет дѣятельная устная и печатная пропаганда и агитація среди городских рабочих и войска. Создаются союзы и общества, и присоединяются к центральной организаціи Партіи. Идет также широкая пропаганда среди молодежи и интеллигенціи. Пріобрѣтаются союзники среди либералов — конституціоналистов, образующих также особый союз. Вмѣстѣ с пропагатерской и агитаціонной дѣятельностью не оставляется и террористическая борьба.

На мѣстѣ существовавшей прежде „Дезорганизаторской Группы“ „Земли и Воли“, появляются „Боевыя Дружины“, ставящія себѣ цѣлью самозашиту и наказаніе отдѣльных лиц правительства за всякаго рода гнет и насиліе. Вскорѣ дѣятельность этих дружин разростается и обособляется в самостоятельную организацію. Правительство в своем гоненіи на революціонеров ввело открыто систему бѣлаго террора; дѣло пропаганды и агитаціи становилось все болѣе затруднительным, и мысль революціонеров все болѣе и болѣе начинает работать в сторону необходимости усиленія своего террора и превращенія его из орудія самозащиты в орудіе разрушенія самодержавія и вмѣстѣ с тѣм в вынужденное обстоятельствами орудіе открытой пропаганды своих идей передъ всѣм народом. Цареубійство признается самым лучшим средством для осуществленія этих цѣлей. Начинается ряд покушеній, завершившихся убійством Александра II 1-го марта 1881 г. Вступив на этот путь, Партія „Народной Воли“ уже тѣм самым как бы вышла из нея

подготовительной работы, намѣченной программой. Болѣе или менѣе широкіе планы пропаганды были оставлены и главныя силы пошли на террористическую борьбу. Окружающія условія казались благопріятными для осуществленія цѣлей Партіи и можно было надѣяться на поддержку рабочих и общества. Растерявшееся правительство своим трусливым поведеніем еще болѣе усиливало эту увѣренность Партіи в близкой побѣдѣ. Правительство Александра II было устранено, и царь перед самой своей смертью подписал акт о конституціи.*) Благодаря этой увѣренности и самый план возстанія с цѣлью захвата власти был оставлен в сторонѣ и в своих прокламаціях по поводу покушеній, взрыва зимняго дворца и в письмѣ Исполнительнаго Комитета к Александру III Партія требовала лишь конституціи, созыва Земскаго Собора и обезпеченія свободы дѣйствій избирателей.

Так в 1880 г. в прокламаціи по поводу взрыва зимняго дворца говорится: „об-являем еще раз Александру II, что эту борьбу (т. е. террор), мы будем вести до тѣх пор, пока он не откажется от своей власти в пользу народа, пока он не предоставит общественное переустройство всенародному Учредительному Собранію, составленному свободно, снабженному инструкціями от избирателей. А пока первый шаг в дѣлѣ освобожденія родины по прежнему стоит задачей перед нами и мы разрѣшим ее во что бы то ни стало."

В письмѣ к Александру III у 1883 г. положительныя требованія развиты еще подробнѣй Партія требовала:

1) Общую амнистію по всѣм политическим преступленіям прошлаго времени.

2) Созыв представителей от всего русскаго народа для пересмотра существующих форм государственной и обще-

(* См. брошюру Волховскаго „Чему нас учит конституція гр. Л. Меликова?"

ственной жизни и передѣлка их сообразно с народными желаніями. Выборы должны быть произведены при слѣдующих условіях:

1) Депутаты посылаются от всѣх классов и сословій безразлично и пропорціонально числу жителей.

2) Никаких ограниченій ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть.

3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно, в видѣ временной мѣры впредь до рѣшеній народнаго собранія, допустить:

а) Полную свободу печати.

б) Полную свободу слова.

в) Полную свободу сходок.

г) Полную свободу избирательной программы.

Однако надежды „Народной Воли“ на полное политическое освобожденіе Россіи оказались преждевременными и послѣ цѣлаго ряда фактов героической борьбы Партія не встрѣтила ожидаемой поддержки общества, и народа и должна была отступить, истратив главныя свои силы. Правительство Александра III рядом погромов сумѣло разстроить ряды Партіи. Систематическій террор прекратился, хотя попытки организаціи его не переставали возникать вплоть до 90-х годов.

Неудачи „Народной Воли“ нужно отнести к причинам, лежащим внѣ программы Партіи. Позорно трусливое молчаніе либеральнаго общества и слишком слабая поддержка со стороны рабочих, выражавшаяся лишь в рядѣ сочувственных цареубійству прокламацій, — вот главная причина, почему Партія „Народная Воля“ не могла довести до конца дѣло переворота, столь фактически близкаго. Избѣжать этой неудачи можно было лишь болѣе широкой подготовкой рабочей массы в тѣх предѣлах, какіе были указаны в программѣ подготовительной дѣятельности Партіи. Неуспѣх „Народной Воли“ никоим образом, слѣдовательно, неумаляет истинности ея теоретической и практической программы, нарушив послѣдовательность осуществленія своего предварительнаго плана. Партія

нашла себѣ оправданіе в требованіи окружающих условій, в необходимости систематическаго террора, как отвѣта на правительственный террор, сокращающій значеніе устной пропаганды и агитаціи.

Взгляд на террор, как на могучее орудіе пропаганды и дезорганизаціи, сложился уже впослѣдствіи в самый разгар борьбы, в программѣ же он занимал скромное мѣсто самозащиты. Но и как средство дезорганизаціи и пропаганды, террор не признавался всетаки единственным или главным орудіем переворота. Вліяніе его должно было сказаться лишь в связи с фактами массовой борьбы, которая в свою очередь также не могла имѣть рѣшающаго значенія без террора.

Чтобы лучше выяснить мѣсто террора в программѣ Партіи „Народная Воля“ и нѣкоторых ея положеній, мы приведем взгляды наиболѣе видных участников Партіи, поскольку они выразились при крайне неблагопріятных условіях судебнаго слѣдствія:

„Я не думаю утверждать, — говорил Квятковскій, повѣшанный 4-го ноября 1880 г. (по процессу 16-ти), чтобы в нашей программѣ не отводилось никакого мѣста террору. Нѣт, этот отдѣл дѣятельности существует, но он составляет второстепенную, если не третьестепенную часть этой программы, имѣет в виду защиту и охраненіе членов Партіи, а не достиженіе цѣлей ея. Чтобы сдѣлаться тигром, не надо быть по природѣ им. Бывают такія общественныя состоянія, когда агнецы становятся ими. Но такое, конечно, временное превращеніе их вызывает одна только необходимость и такою необходимостью, фатально, неизбѣжно, вызваны эти тяжелые для всѣх и для нас, также и для нас, событія - политическія убійства. Они вызваны страшным, жестоким отношеніем правительства к нам революціонерам; они вызваны массой загубленных молодых сил по разным тюрьмам, в централках, на каторгѣ; они вызваны казнями десятков наших товарищей; они вызваны исключительными, анормальными, спеціально только к нам, революціонерам, примѣненными законами. Но если какая бы то ни было

общественной дѣятельности на пользу народа, полная невозможность пользоваться сколько нибудь свободой своих убѣжденій, свободой жить и дышать — все это заставило русских революціонеров, русскую молодежь, по своим наклонностям самую гуманную, самую человѣчную пойти на такія дѣла, которыя по самому существу своему противны природѣ человѣка. Всякая молодежь, и особенно русская, всегда стремилась и будет стремиться к свободѣ, как листья растеній повертываются к солнцу. Но отношеніе правительства к ней связывает ее по рукам и ногам в ея человѣческих стремленіях. Что же ей дѣлать? Отказаться от своих убѣжденій она не может. Остается одно: смерть или попытка защитить себя, сбросить тѣ цѣпи, тѣ узы, которыя связывают ее в стремленіи удовлетворить самыя законныя, человѣческія потребности. В этом заключается только реакція природы против давленія. Так лучше смерть в борьбѣ, чѣм нравственное или физическое самоубійство. "

Кибальчич (повѣшенный 3-го апрѣля 1881 г.) так опрѣдѣлял свое отношеніе к террору:

„Если бы не аресты, если бы не строгія мѣры властей по отношенію к дѣятелям, ходящим в народ, то я бы ушел в народ и был бы до сих пор там. Цѣли, которыя я ставил, были отчасти культурнаго характера, а именно - поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуют в народѣ, до соціалистических инстинктов и привычек. Я был остановлен арестом. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, так сказать, патріархально что-ли к дѣятельности Партіи, то ни крови, ни бунта теперь, конечно, не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы теперь в цареубійствѣ, а были бы среди городского и сельскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я употребил по отношенію к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способов обработки земли, на улучшеніе сельскохозяйственных орудій и т. п. "

„Для нас в настоящее время, — заявил Желябов (повѣшенный 3-го апрѣля 1881 г.), — отдѣльные террористическіе факты занимают только одно из мѣст в ряду других задач, намѣчаемых ходом русской жизни. Чтобы понять эту форму революціонной борьбы, к какой прибѣгает Партія в настоящее время, нужно познать это настоящее в прошедшем Партіи, и это прошедшее имѣется. Не многочисленно оно годами, но очень богато опытом. Если вы, г. г. судьи, взгляните на отчет о политическихъ процессах, в эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что в нашей дѣятельности была юность, розовая и мечтательная. и если она прошла, то не мы тому виною. Непродолжительный період хожденія нашего в народ показал всю книжность, все доктринерство наших стремленій. С другой стороны он убѣдил, что в народном сознаніи есть много такого, за что слѣдует держаться, на чем до поры до времени слѣдует остановиться. Считая, что при тѣх препятствіях, какія ставит правительство, невозможно провести в народное сознаніе соціалистическіе идеалы цѣлостью, соціалисты перешли к народникам... Мы рѣшили дѣйствовать во имя сознанных народом интересов, уж не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересов, присущих народной жизни, им самим сознаваемых — это отличительная черта народничества. Из мечтателей-метафизиков оно перешло к позитивным и держалось на этой почвѣ. Вмѣсто пропаганды соціалистическихъ идей выступает на первый план агитаціонное возбужденіе народа во имя интересов присущих его сознанію."

Передав затѣм фактическое свое участіе в событіях послѣдовавшаго времени все болѣе и болѣе втягивавших революціонеров в террористическую борьбу с самодержаніем, Желябов так закончил свою рѣчь: «моя личная задача, цѣлью моей жизни — было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цѣли путем мирным и только затѣм был вынужден перейти к насилію.

По своим убѣжденіям я оставил бы эту форму насильственной борьбы, если бы только явилась возможность борьбы мирной т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организаціи своих сторонников."

Приведенные отрывки из рѣчей видных народовольцев ясно свидѣтельствуют о характерѣ и происхожденіи террора в практической дѣятельности Партіи. Не лишним будет дополнить это свидѣтельство еще одним историческим документом протеста против убійства президента Гарфильда, адресованным Исполнительным Комитетом к американскому народу в 1881 г.

„В странѣ, — говорит протест, гдѣ свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, гдѣ свободная народная воля опредѣляет не только закон, но и личность правителей,— в такой странѣ политическое убійство, как средство борьбы,— есть проявленіе того же духа деспотизма, уничтоженіе котораго в Россіи мы ставим своею задачей. Деспотизм личности и деспотизм Партіи одинаково предосудительны и насиліе имѣет оправданіе только тогда, когда оно направляется против насилія."

Полная историческая оцѣнка программы народовольчества 80-х годов принадлежит будущему, Мы, стоящіе перед тѣми же задачами, которыя ставили и разрѣшали эти герои русской революціи, можем лишь с благодарностью принять завѣщанное ими наслѣдство: их выработанную практикой программу и способы воплощенія ея в жизнь. Наслѣдство это велико!

Если дѣятельность народовольчества 80-х годов не достигла своей намѣченной цѣли — упраздненія самодержавія, то она всетаки оставила глубокій слѣд в русской исторіи. Явившись застрѣльщиком революціи, Партія „Народная Воля", не смотря на свою малочисленность, героической борьбой сумѣла, при самых неблагопріятных условіях, дискредитировать политическій строй и тѣм показать всему русскому народу возможность успѣшной борьбы с врагом — самодержавіем.

Характеризуя кратко значеніе Партіи „Народная

Воля" 80-х годов, можно сказать, что если бы дѣятельность и всѣ силы ея были перенесены в наши современныя условія, в среду ростущаго возбужденія рабочей массы, то, встрѣтив большую поддержку рабочаго класса „Народная Воля" побѣдила бы самодержавіе.

Вот как привѣтствовал в свое время К. Маркс программу и дѣятельность „Народной Воли": в період революціи 1848-49 г. не только европейскіе монархи, но и европейская буржуазія находили в русском вмѣшательствѣ единственное спасеніе против только что собравшагося с силами пролетаріата. Царя провозгласили главою Европейской реакціи. Теперь он — содержащійся в Гатчинѣ, военно-плѣнный революціи, и Россія представляет собою передовой отряд революціоннаго движенія." (Из предис. к „Маниф. Каммунист. парт. „ изд. 1882 г.).

В 1883 г. в своей бесѣдѣ с Лопатиным Ф. Энгельс сдѣлал слѣдующую оцѣнку дѣятельности „Народной Воли": „Мы много говорили,— пишет Лопатин в своем письмѣ,— о русских дѣлах, о том, как пойдет вѣроятно дѣло нашего политическаго и соціальнаго возрожденія. Энгельс тоже считает, как и Маркс, как и я, что задача революціонной Партіи или Партіи дѣйствія в Россіи в данную минуту не в пропагандѣ новаго соціалистическаго идеала даже не в стремленіи осуществить этот далеко еще не выработанный идеал с помощью составленнаго из наших товарищей временнаго правительства, а в направленіи всѣх сил к тому, чтобы:

1) Или принудить государя созвать Зѣмскій Собор.

2) Или же путем устраненія государя и т. п. вызвать такіе глубокіе безпорядки, которые привели бы к созыву этого Собора или чего либо подобнаго.

Он вѣрит, как и я, что подобный Собор неизбѣжно приведет к радикальному, не только политическому, но и соціальному переустройству. Он вѣрит в громадное значеніе избирательнаго періода, в смыслѣ несравненно болѣе успѣшной пропаганды, чѣм всѣ книжки и сообщенія на ухо. Он считает невозможной чисто — либеральную конституцію, без глубоких эконо-

мическихъ перестроекъ и потому не боится этой опасности. Онъ вѣрит, что въ фактическихъ условіяхъ народной жизни накопилось достаточно матеріала для перестройки общества на новыхъ началах. Конечно онъ не вѣрит въ моментальное осуществленіе коммунизма или чего либо подобнаго, но лишь того, что уже назрѣло въ жизни и въ душѣ народа. Онъ вѣрит, что народъ сумѣет найти себѣ краснорѣчивыхъ выразителей своихъ нужд и стремленій. Онъ вѣрит, что разъ начавшись, это переустройство или революція не может быть остановлена никакими силами. Важно поэтому только одно — разбить роковую силу застоя, выбить на минуту народъ и общество изъ состоянія косности и неподвижности, произвести такой безпорядок, который принудил бы правительство и народъ заняться внутреннимъ переустройством, который всколыхнул бы спокойное народное море и вызвал бы всенародное вниманіе и всенародный энтузіазм къ дѣлу полнаго общественнаго переустройства "

„Все зависит, — сказал между прочим Энгельс, — теперь отъ того, что будет сдѣлано въ ближайшем будущем въ Петербургѣ, на который устремлены нынѣ глаза всѣх мыслящих, дальновидных и проницательных людей Европы. Россія — это Франція нынѣшняго вѣка. Ей законно и правомѣрно принадлежит революціонная инціатива новаго соціальнаго переустройства. Гибель царизма, уничтоживъ послѣдній оплот монархизма в Европѣ, упразднив агрессивность Россіи; ненависть к ней Польши и многое другое поведет к совершенно иной комбинаціи державъ, расшибет в дребезги Австрію и вызовет во всѣх странах могучій толчек в сторону внутренняго переустройства.

И я, и Маркс находим, что письмо Комитета к Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революціонеров находятся люди с государственной складкой ума "

Таково отношеніе к эпохѣ дѣятельности „ Народной Воли " в 80 -х. годах представителей западно - европейскаго соціализма.

III

Наш краткій историческій обзор был бы не полон, если бы мы не коснулись еще судьбы направленія „Чернаго Передѣла“ и нѣкоторых других направленій революціонной мысли послѣдующаго времени.

Партія „Черный Передѣл“ как было сказано выше, выдѣлилась из распавшейся организаціи „Земля и Воля“ В состав ея вошли народники-пропагандисты, отрицавшіе необходимость непосредственной политической борьбы и усиленія дѣятельности в городах в ущерб деревнѣ.

Программа „Чернаго Передѣла“ во всем существенном напоминает программу „Земли и Воли“. Вот что писал в 1881 г. по поводу этой программы один из видных участников партіи, Плеханов, этот впослѣдствіи рѣзкій критик народничества: „в этих двух словах („Черный Передѣл“) заключается рѣшеніе крестьянскаго вопроса, от котораго в свою очередь зависят всѣ остальные“. Толкая народ в активную борьбу с государством, воспитывая в нем самодѣятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбужденія народнаго неудовольствія и для сообщенія народу путем пропаганды словом и дѣлом правильных воззрѣній на смысл нынѣ существующих и желательных в будущем соціальных отношеній, соціально-революціонная партія должна довести народ от пассивнаго ожиданія чернаго передѣла, долженствующаго совершиться сверху до активных требованій земли и воли, пред-являемых снизу“.

„Голос народа, требующій аграрной революціи есть как бы голос Божій, указывающій нашей интеллигенціи ея истинное провиденціальное назначеніе.

В другом мѣстѣ газеты „Черный Передѣл“ автор, давая широкое теоретическое об-ясненіе программѣ аграрнаго соціализма в Россіи на основах общиннаго владѣнія, говорит: „неизбѣжность капиталистической продукціи, как переходной ступени к соціалистической организаціи

будущаго общества признается нами лишь для тѣх сфер имущественных отношеній людей, гдѣ индивидуализм являлся до тѣх пор исключительно господствующим принципом "...".

„До сих пор еще вопрос о причинах исчезновенія их (т. е. коллективных форм владѣнія) представляется далеко не рѣшенным окончательно и безапелляціонно в сторону внутренней необходимости. Напротив, даже с предвзятою мыслью предпринятыя наслѣдованія приводят лишь новыя доказательства в пользу того мнѣнія, что исчезновеніе коллективизма обусловливалось неблагопріятным стеченіем исторических условій. Онѣ не только не носят в самих себѣ элементов разложенія, но, напротив при благопріятном стеченіи обстоятельств прогрессируют и совершенствуются, налагая свою печать на всѣ предпріятія общинников.

Стремленіе к коллективной организаціи промышленных предпріятій было замѣчено во всѣх странах, гдѣ поземельная община сохранилась в болѣе или менѣе полном видѣ.

„В настоящее время только общинное землевладѣніе и артельная организація народной промышленности составляют практически осуществимую в Россіи часть соціалистической доктрины. Поэтому онѣ и должны быть взяты агитаціонным девизом русской соціально — революціонной Партіи."

Дѣятельность Партіи „Черный Передѣл" очень быстро прекратилась и с 1883 г. главные участники ея, поселившись за-границей, образовали т. н. соціальдемократическую группу „Освобожденія Труда", совершив в своих нѣкоторых воззрѣніях радикальную перемѣну. Разочаровавшись, какъ и народовольцы, в возможности широкой пропаганды в народѣ, группа „Освобожденія Труда" выставила необходимость политической борьбы и завоеваніе политических прав. Осуществленіе этой задачи

должна была взять на себя соціалистическая интеллигенція, опираясь на организацію рабочаго класса.

Вот что говорится в ея программѣ:

„Группа „Освобожденія Труда“ задается цѣлью пропаганды современнаго соціализма в Россіи и подготовки рабочаго класса к сознательному соціально-политическому движенію.“

Преслѣдуя эту цѣль всѣми зависящими от нея средствами, группа „Освобожденія Труда“ в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютнаго правительства и расходится с Партіей „Народной Воли“ лишь по вопросу о т. н. захватѣ власти революціонной партіей и о задачах непосредственной дѣятельности соціалистов в средѣ рабочаго класса“. . .

„Группа ни мало не игнорирует крестьянства, составляющаго огромную часть трудящагося населенія Россіи Но она полагает, что работа интеллигенціи, в особенности при современных условіях соціально-политической борьбы, должна быть прежде всего направлена на болѣе развитой слой этого населенія, каким и являются промышленные рабочіе. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, соціалистическая интеллигенція может с гораздо большей надеждой на успѣх распространить свое воздѣйствіе и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитаціи и пропаганды. Само собою разумѣется, что распредѣленіе сил наших соціалистов должно будет измѣнится, если в крестьянствѣ обнаружится самостоятельное революціонное движеніе и что даже в настоящее время люди, находящіеся в непосредственном соприкосновеніи с крестьянством, могли бы своею дѣятельностью в его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію в Россіи.

Такова была программа первых русских соціалдемократов. Не трудно видѣть из приведенных выписок, что основныя положенія ея заимствованы из программы „Народной Воли“ и вся она проникнута духом этой послѣдней, вплоть до признанія террора. Разногласія с „Народной Волей“, на которыя указывают представители

программы (Плеханов, Аксельрод и Засулич) не существовали в дѣйствительности, так как теорія захвата власти, как мы видѣли, была вскорѣ фактически замѣнена требованіем вынужденнаго созыва Учредительнаго Собранія и, якобы, игнорированіе „ Народной Волей “ пропаганды среди городских рабочих, в виду террористической борьбы, оказывается также не существовавшим в программѣ и на практикѣ.

С теченіем времени представители группы „Освобожденія Труда“, в особенности Плеханов, не издавая новой программы в рядѣ отдѣльных статей и изданій, начали критику взглядов народничества и народовольчества, проповѣдь отрицанія коллективных форм, присущих народу, неизбѣжности капитализма, необходимости сосредоточить пропаганду соціализма исключительно среди промышленнаго пролетаріата, отрицаніе необходимости непосредственной политической борьбы и в том числѣ террора и многаго другого, что так недавно они сами раздѣляли и защищали. В послѣднее время к подобным взглядам примкнуло нѣсколько революціонных групп в Россіи.

Нам остается еще упомянуть о направленіи революціонной мысли, приведшей в 90-х годах, к созданію партіи „Народное Право“. Послѣ неудачи „ Народной Воли “ , в 80-х годах, революціонная мысль, ища причины неудачи, пришла к выводу о необходимости завоеванія болѣе серьезной почвы сочувствія населенія, прежде чѣм начинать открытую борьбу. Оцѣнивая с этой точки зрѣнія различные слои населенія, революціонная мысль раскололась на два русла: одно, видѣвшее самую прочную почву для уничтоженія самодержавія и осуществленія экономической программы в промышленном пролетаріатѣ, выдвинуло соціальдемократическое направленіе разных оттѣнков; другое, болѣе скептически относящееся к самостоятельной роли рабочаго класса и болѣе вѣрующее в силу интеллигенціи различных слоев, соединенных общими требованіями политической свободы, образовало направленіе в сторону сосредоточенія пропагаторской дѣятельности среди интеллигенціи, выдвинув на пер-

вый план политическую часть своей программы. В этом духѣ, со средины 80-х годов появлялись в Россіи и за границей кружки и группы, а в началѣ 90-х г. организовалась партія „Народное Право". Дѣятельность и программа этой партіи остаются в значительной степени невыясненными передъ русскимъ обществомъ, так как очень скоро организація была разбита правительством.

Главная цѣль партіи, насколько это видно из изданнаго ею „Манифеста" и брошюры „Насущный Вопрос" сводилась к об-единенію революціонных и либеральных элементов Россіи на почвѣ общей борьбы с деспотизмом, к созданію силы „организованнаго общественнаго мнѣнія", борющейся при помощи „всѣх нравственных и матеріальных средств".

IV

Изложив вкратцѣ главные періоды русской революціонной мысли обратимся к собственной программѣ.

Во всем существенном она сходна с программой „Народной Воли". Нѣкоторыя измѣненія, вызванныя жизнью нисколько не лишают нас права считаться продолжателями дѣла, завѣщаннаго революціонерами 80-х годов, и если мы не называем себя народовольцами, то это обусловлено не измѣненіем программы, а главным образом, соображеніями тактики; нежеленіем вызывать лишнія недоразумѣнія в виду существующей общей путанницы понятій в средѣ революціонной интеллигенціи, часто встрѣчающимся полным незнакомством ея с нашим революціонным прошлым и способностью нерѣдко из-за названія и клички видѣть врагов в союзниках.

Перейдем теперь к выясненію в кратких словах нѣкоторых положаній нашей программы и ея отличія от других нынѣ существующих программ.

Ближайшей нашей цѣлью остается завѣщанная нашими предшественниками—народовольцами борьба за политическое освобожденіе Россіи — уничтоженіе самодержавія,

Этой политической свободой воспользуется русская соціалистическая партія для осуществленіе ряда радикальных реформ, приближающих нас к соціалистическому строю будущаго. Для достиженія намѣченной цѣли необходима организованная революціонная сила, созданіе которой и составляет задачу нашей подготовительной дѣятельности в настоящее время. Орудіем для этого мы избираем устную и печатную пропаганду, агитацію и организацію отдѣльных союзов групп, которые сольются затѣм в одну общую партійную организацію.

Обращаясь к окружающей нас дѣйствительности, к существующему распредѣленію общественных слоев, с точки зрѣнія своих ближайших цѣлей пропаганды и агитаціи, мы оцѣниваем их слѣдующим образом:

На первое мѣсто мы ставим дѣятельность среди интеллигенціи, главным образом интеллигентной молодежи, и фабричных рабочих крупных центров.

Считаясь с нашим революціонным прошлым, мы глубоко увѣрены, что пока в Россіи не возникнет самостоятельнаго рабочаго революціоннаго движенія, до тѣх пор, как и прежде, инициатором этого движенія авангардом русской революціи будет являться соціалистическая интеллигенція, слабая своею численностью, но сильная своею энергіей, убѣжденіем и прочими качествами, столь необходимыми при организаціи революціоннаго движенія. Это положеніе интеллигенціи не измѣнилось и в настоящее время, и она по прежнему несет на своих плечах трудную задачу инициативы, вопреки нелѣпым увѣреніям, что по своему соціальному положенію она не может играть подобной роли. Благодаря, может быть, таким возврѣніям и ослабла в послѣднее время организованная революціонная пропаганда среди молодой интеллигенціи и рѣдѣют ряды энергичных и убѣжденных дѣятелей революціи. Памятуя важную роль интеллигенціи, мы ставим себѣ задачей вести организованную, систематическую проповѣдь среди нея соціализма и борьбы с самодержавіем, уясняя вмѣстѣ с тѣм ея мѣсто среди трудящагося класса. Всѣм же сомнѣвающимся мы будем напоминать

простыя, но энергичныя слова рабочаго Петра Алексѣева, сказанныя им на судѣ: „она (т. е. интеллигенція) одна не покладая рук, ведет нас, раскрывая всѣ отрасли для выхода всѣх наших собратьев из лукаво построенной ловушки, до тѣх пор, пока не сдѣлает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тѣх пор, пока поднимется мускулистая рука милліонов рабочаго люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!

Главной опорой революціи, ея главной арміей мы считаем городской фабричный пролетаріат крупных промышленных центров. Он предводительствуемый соціалистической интеллигенціей, поднимет движеніе и явится выразителем воли всей трудящейся массы—фабричнаго люда и крестьянства. Признавая такое важное значеніе за этим слоем фабричнаго пролетаріата, мы отказываемся, однако от всякой идеализаціи его. Мы знаем что фабричному населенію еще далеко до революціонно—соціалистическаго міросозерцанія.

В броженіи рабочих, выражающемся в стачках и иного рода протестах, также как, в очень давних по происхожденію аграрных бунтах, мы видим лишь пробужденіе сознанія своих интересов, еще далекаго до самостоятельнаго революціоннаго движенія.

Нас не утѣшает фраза, что „экономическая борьба рабочих есть и политическая борьба", также как, будучи революціонерами, мы, конечно, не можем утѣшатся сознаніем, что однѣ об-ективныя условія, включающія в себѣ неизбѣжность междуклассовой борьбы, приведут к разрушенію политическаго строя. Мы смотрим на пробуждающееся сознаніе среди рабочей массы, в особенности в крупных центрах как на возникновеніе болѣе благопріятных, чѣм прежде условій для революціонной дѣятельности, но и только, и сознаем огромную трудность задачи привлеченія фабричных рабочих к цѣлям соціалистически—революціонной программы. Мы расчитываем охватить своею дѣятельностью лишь передовой

слой фабричнаго пролетаріата крупных фабричных центров, как наиболѣе развитой и подготовленный к пониманію необходимости борьбы. В свою очередь он явится авангардом болѣе широкаго рабочаго движенія, будет черпать свою силу в сознаніи сочувствія остальной массы, разсѣянной по разным селам и городам.

Относительно дѣятельности среди крестьянства, мы не откладыая будем пользоваться всякими удобными поводами для ознакомленія крестьянства со своей программой и привлеченія сознательных сторонников из наиболѣе развитой его части.

На крестьянство мы смотрим. как на огромную силу, которой принадлежит осуществленіе экономическаго переустройства Россіи. В настоящее время подавляющее большинство крестьянства, — это тот же пролетаріат, имѣющій общіе интересы, выработанные под однообразным гнетом земледѣльческаго (дворянскаго и купеческаго) капитала. а главное, под гнетом самодержавія — этого исконнаго эксплуататора и политическаго притѣснителя крестьянской массы.

Мы убѣждены, что при благопріятных политических условіях, проповѣдь идеала революціоннаго соціализма, включающаго в себѣ ряд радикальных экономических реформ, может быть воспринята большинством крестьянства наравнѣ с промышленным пролетаріатом, к этому сознанію приходят и западно-европейскіе соціалисты, а в таких странах, как Бельгія, Франція, Австрія и друг. проповѣдь соціализма в крестьянствѣ уже с успѣхом ведется. И только в виду существованія самодержавія с его системой обереганія народа от всякой мысли, только в виду забитости самой массы, нищеты, невѣжества, разбросанности по огромной территоріи Россіи и т. п. мы и откладываем пока систематическую дѣятельность среди крестьянства и избираем поставленный в болѣе культурную обстановку фабричный слой крупных центров, памятуя завѣт наших предшественников. что „в политическую фразу превратится все, что по самым условіям жизни. или по количеству наших сил — невыполнимо.“

Но, как мы сказали выше не упустим ни одного удобнаго случая для вліянія на передовые слои крестьянства. Согласно своим взглядам на окружающія условія и имѣя в виду цѣлесообразную затрату сил, мы откладываем пока дѣятельность среди войска, широких слоев культурнаго общества и т. п.

Относительно этого послѣдняго мы держимся того мнѣнія, что по своему составу и роли в прошлом нашей революціи большинство дворянско - буржуазной интеллигенціи будет стоять на сторонѣ правительственной власти, охраняющей ея интересы, и только сравнительно ничтожная часть, не считая социалистической интеллигенціи, о которой мы уже говорили, будет по прежнему преслѣдовать либерально - конституціонныя стремленія: с этой либеральной интеллигенціей мы признаем необходимым входить в договорныя отношенія, нисколько не поступаясь основными положеніями своей программы.

Таков характер нашей подготовительной дѣятельности.

Но как бы ни ясны были ближайшія и отдаленныя цѣли программы, как бы ни прочны были надежды на осуществленіе их при помощи той или иной комбинаціи общественных сил, все таки революціонная программа будет болѣе чѣм не полной если она не указывает на средства революціонной борьбы, на их характер.

Подготовительная работа всегда совершается в виду извѣстных результатов и с другой стороны, картина будущей борьбы рисуется в зависимости от существующих условій, опредѣляющих наличность боевых сил, созданных подготовительной работой. Обѣ эти половины, т. е. подготовительная работа и средства самой революціонной борьбы с цѣлью совершенія переворота связаны неразрывно друг с другом, как начало с концом, как причины со слѣдствіем. Мы должны знать, что уничтоженіе самодержавія есть наша первая задача, но мы должны также дать себѣ отчет в том, как и какими средствами достигнуть этого уничтоженія. Наконец, мы не только должны, но и можем все это знать, так как перед нами исторический опыт и знаніе условій - наш главный базис.

Этот опыт и это знаніе говорят нам слѣдующее: революціонная дѣятельность в Россіи, при существованіи самодержавія, должна вылиться в форму организованнаго тайнаго общества - Партіи, имѣющей в своих рядах всѣ активные элементы и связанной с прочей массой населенія органическими нитями дѣятельнаго сочувствія и поддержки. Чѣм шире эта связь, тѣм лучше. Но нам извѣстны и предѣлы ея. По мѣрѣ роста Партіи, по мѣрѣ расширенія ея, должны расти случаи столкновенія с правительственной властью и в виду цѣлесообразной затраты своих сил и охраны их от постепеннаго систематическаго истребленія правительством, далѣе, в виду ускоренія революціоннаго взрыва, Партіи придется отказаться от планов широкаго всенароднаго движенія и перенести свою заботу не на дальнѣйшее усиленіе ея численнаго состава, а на развитіе способности наилучшим образом противостоять внѣшнему преслѣдованію и с наибольшим успѣхом обрушиться на самодержавіе при наличных своих силах.

Не будучи утопистами, мы отказываемся от мысли о возможности, при существованіи самодержавія, усвоенія хотя бы большинством населенія Россіи идеалов соціально - революціоннаго освобожденія. Подобных примѣров не было в исторіи. Мы полагаем, что дѣло освобожденія Россіи возьмет на себя передовой класс фабричнаго населенія, предводительствуемый соціалистической интеллигенціей, организовавшись в партію на началах заговора. Будучи малочисленна сравнительно с правительственною властью, окруженной милліонной арміей и располагающей всѣми преимуществами в открытой борьбѣ, такая партія, отказавшись от возможности одолѣть самодержавіе только открытой борьбой, вынуждена будет прибѣгнуть к другому сильному орудію — политическому террору, завѣщанному нам недалеким прошлым.

Пользуясь таким орудіем, Партія расчитывает на полный успѣх, так как и собранныя ею силы будут тогда имѣть вдвойнѣ устрашающій характер, и всякая массовая манифестація и борьба дѣлается тогда не только

не рискованной, но, напротив, — рѣшающей.

Система террористическихъ фактовъ, поддержанныхъ рабочими демонстраціями, рѣшитъ дѣло освобожденія Россіи.

Другого выхода нѣтъ, если не вѣрить случайности и исходить изъ современныхъ условій политическаго строя, считая ихъ не самопреходящими, или если не проникнуться безпечнымъ сознаніемъ постояннаго стихійнаго роста русской революціи, которая когда нибудь да придетъ ...

Самодержавіе и терроризмъ — это два какъ мы видѣли во всей нашей предыдущей исторіи, логически, неизбѣжно связанныя явленія. Это давно сознали русскіе революціонеры, а съ ними и многіе изъ далеко не революціонныхъ умовъ Западной Европы.

Это положеніе санкціонировано нашими учителями соціализма К. Марксомъ и Фр. Энгельсомъ.

Вотъ мнѣніе по этому поводу представителей наиболѣе умѣренной изъ заграничныхъ революціонныхъ фракцій:

„До тѣхъ поръ, пока самодержавіе будетъ цѣпляться въ Россіи за народное невѣжество и совершать ежедневныя и ежечасные насилія не только надъ отдѣльными личностями, но и надъ цѣлой націей — террористическому принципу всегда будетъ въ ней мѣсто. Въ критическіе моменты онъ будетъ всегда единственнымъ возможнымъ революціоннымъ оружіемъ.

Больше того оглядываясь назадъ мы видимъ, что всѣ революціонныя теченія Россіи, по крайней мѣрѣ, начиная съ 60-хъ годовъ, въ концѣ концовъ фатально приводились къ террористическимъ попыткамъ въ той или иной формѣ.

„Мы нисколько не удивимся, если нарождающееся въ послѣднее время въ Россіи движеніе, разростшееся въ еще болѣе широкую и глубокую волну, чѣмъ въ 70-хъ годахъ, въ концѣ концовъ также будетъ принуждено взяться за террористическое оружіе. Это было бы вполнѣ въ нравахъ русскаго самодержавія“. *)

*) Летучій Листокъ. № 40, 1897 г. Изданіе Фонда Вольной Русской Прессы.

Так не будем же закрывать глаза на будущее и прямо признаемъ неизбѣжность террора для всякой партіи рѣшившей вступить в борьбу с современным самодержавіем, при условіи, чтобы этот террор не был актом случайным, а исходил от Партіи, способной довести его до конца и поддержать его массовыми демонстраціями.

Вот вкратцѣ причины, почему в нашей программѣ введено требованіе террористической борьбы, как одного из сильных средств разрушенія самодержавія.

В заключеніи нѣсколько слов о нынѣ существующих теченіях революціонной мысли и их вѣроятной судьбѣ.

В настоящее время наряду с отдѣльными группами в Россіи и заграницей, именующими себя „народовольческими", и другими группами, близкими по своему духу к народовольчеству, существуют группы т. н. соціальдемократическаго направленія. До сих пор мы не имѣем еще общей программы этого направленія, и различные кружки расходятся между собой по очень многим вопросам, как теоретическаго, так и практическаго характера. Не считая пока себя в правѣ подвергать это направленіе критическому разбору и тѣм болѣе вступать в какую либо полемику, мы остановимся лишь на одном, крайне важном с нашей точки зрѣнія, вопросѣ.

В началѣ появленія соціальдемократических кружков наиболѣе общей и характерной чертой их программы было требованіе соціалистической пропаганды среди фабричнаго класса, отрицательное отношеніе к крестьянству, как классу мелкой буржуазіи и полное игнорированіе неотложности политической борьбы. Вскорѣ, однако, как наиболѣе сильное орудіе для возбужденія фабричной массы, начинает признаваться необходимость агитаціи на почвѣ мѣстных нужд и интересов. Отрицательное отношеніе к крестьянству и игнорированіе политических задач остаются по прежнему. Даже в такой важный момент, как во время огромной стачки петербургских рабочих 1896 г., соціальдемократическіе листки ни словом не упоминают о необходимости борьбы с самодержавіем, призывая рабочих лишь на борьбу с капиталистами. В послѣдніе два

года положеніе вещей рѣзко измѣнилось. Уже в нѣкоторых изданіях „Союза за освобожденіе рабочаго класса", затѣм, в „Рабочей Газетѣ" оффиціальном органѣ недавно образовавшейся „Россійской Соціальдемократической Партіи" и во многих других мелких изданіях и прокламаціях появляются указанія на неизбѣжность, для революціонной рабочей партіи непосредственной политической борьбы, а слѣдовательно, и необходимость нынѣшним пропагандистам включить в свою программу и эту идею политической борьбы.

Как совершится политическій переворот и какими средствами, об этом пока не говорится и лишь указывается на возможную успѣшность борьбы при том условіи, если в ней будет участвовать рабочій класс.

Вмѣстѣ с этой радикальной ломкой міросозерцанія по вопросу о политической борьбѣ происходит перемѣна взгляда и на крестьянство. За ним мало по малу начинает признаваться как названіе земледѣльческаго пролетаріата, так и отсутствіе антогонизма его интересов с интересами фабричнаго класса.

Припоминается до сих пор игнорируемая исторія и, напримѣр, в таком изданіи, как „Рабочая Газета," дѣлается попытка указать на преемственность революціонных идей и освѣтить историческую важность для современников дѣятельность „Народной Воли" 80-х годов. Не напоминает ли это, совершающаяся на наших глазах, эволюція соціальдемократизма в описываемом отношеніи чего нибудь знакомаго, какой либо странички из исторіи революціонной мысли?

Мы вряд ли ошибемся, если позволим себѣ привести, хотя бы и не во всѣх деталях точную, аналогію, о которой мы упоминали в началѣ статьи, аналогію между революціонной мыслью 70-х годов и нашим временем.

Тогда также, как и сейчас, на первом планѣ вначалѣ стояла мирная пропаганда соціализма, смѣнившаяся вскорѣ требованіем агитаціи и еще позднѣе требованіем политической борьбы. Тогдашнее „хожденіе" в народ, нынѣшнее „хожденіе" в фабричный класс покоплось

на идеализаціи массы, на признаніи за ней уже сознанных интересов и трбованій дѣятельности во имя этих интересов. Все для народа и все через народ,—говорили тогда, и все для фабричнаго класса и все через него,—говорят нынѣ. Тогдашнее сознаніе народом своих интересов нынѣ замѣняется—„классовым самосознаніем“ пролетаріата. Очень скоро практика разбила идеализацію, и жизнь потребовала измѣненія программы.

Выдвинутая на ближайшую очередь политическая борьба с самодержавіем открыла новую эру революціонной мысли, и программа „Народной Воли“ завершила эту эволюцію. Та-же эволюція наблюдается и в программѣ нынѣшняго соціальдемократизма.

Чему учит эта аналогія и какіе выводы она позволяет сдѣлать?

Эволюція, совершающаяся в наше время, в вопросах соціально-революціонной программы—поучительна, как печальный урок исторіи, как забвеніе преемственности идей. Для того, чтобы прійти к требованію в программѣ политической борьбы, к признанію роли крестьянства и т. п. не надо было бы затраченных на это сил и времени, если бы русскіе революціонеры, в особенности соціальдемократическаго направленія не игнорировали завѣщанных нашими предшественниками, провѣренных опытом принципов революціонной борьбы. Но аналогія с прошлым болѣе важна в другом отношеніи—в вопросѣ о ближайшем будущем.

Не трудно видѣть, к чему приведет эволюція современнаго соціальдемократизма. Мы уже видим в програмѣ его прямое требованіе политической борьбы. Еще шаг, и это, пока теоретическое положеніе, дѣлается жизненным вопросом для всякой дѣйствующей организаціи, как требованіе об-ективных условій, в существѣ своем не измѣнившихся за прожитыя 20-ть лѣт. Вѣдь самодержавіе остается все тѣм же, и его система разрушенія широких планов пропаганды также неумолимо обрушивается на революціонеров. Кончится період доктринерства и розовой, мечтательной юности, которую еще раз суждено

было нам пережить, борьба, с самодержавіем станет все насущнѣе и насущнѣе, и революціонная мысль интеллигенціи и рабочаго класса ища выхода, увидят его снова там, гдѣ, наученные опытом, его нашли революціонеры 80-х годов.

Терроризм в тѣсной связи с массовой борьбой рабочаго класса—таков будет конечный пункт эволюціи.

Революціонная мысль, сбившаяся с пути, снова вольется в широкое, правильное русло, и принципы „Народной Воли" вновь воспрянут во всей своей силѣ.

Чѣм скорѣе все это совершится, тѣм лучше.

Повторится таже картина борьбы, как в началѣ 80-х годов, только в увеличенном масштабѣ и с достиженіем полнаго успѣха. Порукой этому служит исторический опыт и все растущая активность рабочаго класса, который явится на этот раз прочным фундаментом, обезпечивающим успѣшность борьбы. Тогда наконец исполнится пророчество народовольцев 80-х годов относительно дальнѣйшаго хода революціоннаго движенія:

„Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обостренно; революціонная организація будет выдвигать на мѣсто истребляемых групп все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольных в странѣ между тѣм увеличится; довѣріе к правительству в народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбѣжности—все прочнѣе будет развиваться в Россіи.

Страшный взрыв кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершит этот процесс разрушенія стараго порядка."

(Из письма Ісп. Ком. к Александру III.)

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ

программы

Соціалистов-Революціонеров.

I

1. Мы соціалисты-революціонеры. Главной нашей цѣлью, нашим конечным идеалом является переустройство общества на соціалистических началах. Мы убѣждены, что только при таких условіях будет достигнуто полное освобожденіе трудящихся масс, что только соціалистическій строй даст возможность воплотиться в жизни человѣчества идеалам свободы, равенства и братства.

Осуществленіе идеала соціалистическаго строя будет принадлежать трудящейся массѣ. Соціальная революція явится средством воплощенія этого идеала в жизнь.

2. Обращаясь к окружающей нас дѣйствительности, мы видим прежде всего, что экономическій строй Россіи не дает никаких основаній для того, чтобы надѣяться на возможность непосредственнаго осуществленія в ближайшем будущем идеала соціализма.

Мы переживаем эпоху перехода патріархальнаго строя в строй капиталистическій, перехода, осложненнаго при этом запоздалым выступленіем Россіи на путь общеевропейскаго экономическаго и политическаго развитія. Экономическая отсталость Россіи и замѣчаемый во всѣх отрослях общественнаго хозяйства отпечаток переходнаго времени сказывается весьма рельефно на распредѣленіи и группировкѣ ея общественных классов. Это распредѣленіе и эта группировка только начинаются, процесс совершается медленно.

В средѣ крестьянства идет ломка стараго патріархальнаго строя, растет противоположность интересов, борьба за эти интересы и группировка населенія по степени зажиточности, могущая привести в болѣе или менѣе отдаленном будущем к распаденію крестьянской массы на два лагеря: эксплуатируемых и эксплуататоров; пока же мы присутствуем лишь при самом началѣ процесса разрушенія старых устоев и возникновенія новаго капиталистическаго строя и главным эксплуататором — капиталистом для земледѣльческой рабочей массы остается класс крупных дворян землевладѣльцев, вытѣсняемый мѣстами земельной буржуазіей других сословій.

Переходя, затѣм, в область промышленности, мы видим, что здѣсь процесс капитализаціи, связанный с превращеніем самостоятельных работников в простых пролетаріев и об-единеніем их под властью крупнаго капиталиста, сдѣлал значительные, по сравненію с земледѣліем, успѣхи. За

тридцать лѣт нашей промышленной исторіи у нас создалась фабрично - заводская промышленность, образовались центры ея, появился, хотя сравнительно и немногочисленный, но территоріально сплоченный, однородный по своим матеріальным интересам, промышленный пролетаріат. Соединеніе мелких, разрозненных предпріятій в огромныя фабрики и заводы, а слѣдовательно и концентрація промышленных рабочих совершается с достаточной быстротой, и в этом отношеніи нѣкоторыя губерніи нашего промышленнаго района уже в настоящее время являются сколком с Западной Европы.

Но рост промышленнаго капитализма далеко не всеобщ и одинаков для огромной территоріи Россіи. Не говоря уже об окраинах ея, в самом даже центрѣ капиталистическаго царства сохранились и выдерживают борьбу многія архаическія черты прежняго строя с его упрощенными способами производства и эксплуатаціи труда.

Рядом с болѣе или менѣе организованным отрядом промышленнаго пролетаріата, мы имѣем многомилліонную массу кустарей,— этих полусобственников и полупролетаріев.

Та часть этой массы, которая лишилась в борьбѣ за самостоятельность собственных средств производства, попала в эксплуатацію мелких капиталистов и на этой почвѣ развилась и упорно держится система домашняго производства, система, препятствующая скорѣйшему механическому об-единенію эксплуатируемых рабочих и

их большему культурному развитію.

Переходный характер сказался и на нашем правительственном механизмѣ.

Вмѣсто упрощенной, ярко окрашенной узко-дворянскими интересами, политики русскаго царизма, давившаго и разорявшаго народ, вносившаго повсюду лишь принципы хищничества и грубой эксплуатаціи и не заботившагося о завтрашнем днѣ, мы присутствуем в послѣднѣе время при попыткѣ этого, вполнѣ однако сохранившаго свои основныя черты, абсолютизма пойти навстрѣчу нарождающейся промышленной буржуазіи, признав интересы ея за одни из важнѣйших интересов государства, словом из патріархальнаго абсолютизма превратится в абсолютизм буржуазный. Растет наша крупная промышленность, растут милліоны в карманах всячески опекаемых капиталистов-буржуа, но рядом с этим растет разорѣніе народа, быстро истощаются народныя силы, подтачивается фундамент государственной фискальной политики.

Разсыпая одной рукой благодѣянія промышленности и исконно-паразитному дворянству, давя и грабя другой рукой народное благосостояніе, русскій абсолютизм медленно, но неуклонно сам себѣ готовит то будущее, от котораго он так тщательно старается отвернуться.

Такова, в кратких чертах, дѣйствительность, среди которой приходится жить и дѣйствовать русским соціалистам -революціонерам.

Не заглядывая в далекое будущее, не пытаясь

дать здѣсь вполнѣ опредѣленный отвѣт: ждет ли нас та же картина смѣны капиталистических форм, какія переживал и переживает Запад, или же наше экономическое будущее не лишено нѣкоторых особенностей, создаваемых своеобразными, историческими условіями, мы, отрицая революціонное доктринерство, считаем себя в правѣ поставить только один вопрос: какова задача в настоящее время русских соціалистов-революціонеров, и сообразуясь со всѣм выше сказанным, отвѣтить на него слѣдующим образом: какого бы ни было экономическое будущее Россіи, мы, во имя идеала соціализма, должны готовить условія для ускоренія торжества этого идеала, должны внести в среду трудящихся масс соціалистическое сознаніе, должны помочь им организоваться для борьбы с эксплуататорами, словом, должны готовить почву для будущей соціальной революціи.

Перед нами авангард рабочаго класса—фабрично-заводскій пролетаріат, перед нами, далѣе, многомилліонная масса крестьянства, подавляющее большинство котораго является земледѣльческим пролетаріатом.

Пропаганда идей соціализма и организаціи соціалистической партіи—такова стоящая на очереди задача русских соціалистов, как и их западно-єгропейских собратьев.

Но поставив себѣ такую задачу, мы не можем и не должны забывать тѣх условій, среди которых ее приходится осуществлят.

Мы должны помнить, что живем в деспотическом государствѣ, отрицающем и давящем всякую попытку критики его основ, всякое проявленіе свободной мысли и общественной дѣятельности. Борьба с абсолютизмом, завоеваніе политической свободы необходимы и неизбѣжны для русских революціонеров-соціалистов, если они дѣйствительно желают способствовать проведенію в жизнь своих принципов и подготовить почву для будущаго соціалистическаго строя.

Необходимость уничтоженія абсолютизма выдвигается самой жизнью, в вопросѣ о политической свободѣ сходятся всѣ, за исключеніем лишь тѣх немногих слоев общества, которые прямо заинтересованы в существованіи современнаго порядка, охраняющаго их хищническіе противообщественные инстинкты.

Таким обрзом, и как соціалисты, помнящіе, что политическое освобожденіе рабочаго класса всегда предшествовало и должно предшествовать его экономическому освобожденію, и как практическіе общественные дѣятели, признающіе, что в достиженіи политической свободы заинтересованы всѣ честно мыслящіе слои русскаго населенія, вся раззоряемая, безправная, хотя и не сознающая пока причин своего раззоренія и безправія, многомилліонная трудящаяся земледѣльческая и фабричная масса, что абсолютизм держится у нас благодаря политическому индифферентизму населенія, что уничтоженіе его есть неизбѣжная фаза нашего общественнаго и эконо-

мическаго развитія, — мы должны, сохраняя неприкосновенным свой идеал будущей соціальной революціп, начать борьбу с абсолютизмом, сосредоточив на этом всѣ свои силы и продолжать ее до тѣх пор, пока не добьемся такого политическаго строя, который обезпечивал бы за личностью право на самоопредѣленіе, не ставил бы преград ея общественной дѣятельности, а нам — соціалистам гарантировал бы возможность открытой пропаганды своих идей, свободной широкой организаціи русской соціалистической партіи и выступленіе ея в будущей политической жизни Россіи для борьбы за свои дальнѣйшія политическія и экономическія права.

Главными основами, слѣдовательно, такого политическаго строя, должны быть:

Свобода слова, вѣроисповѣданій, печати, собраній и союзов.

Наиболѣе существенными из наших дальнѣйших политических требованій явятся:

1, Всеобщее избирательное право, без всяких сословных и имущественных ограниченій.

2. Постоянное народное представительство в высшем законодательном собраніи и широкое областное и общинное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣх должностей.

3. Федерація самостоятельных народностей (Финляндія, Польша, Великороссія, Малороссія, Кавказ и проч.)

4. Пересмотр всего нашего уголовнаго и гражданскаго кодекса.

5. Всеобщее и равное для всѣх образованіе.
6. Замѣна постоянной арміи народной милиціей.

В области экономической мы будем бороться за проведеніе в жизнь тѣх радикальных реформ, которыя имѣют своей цѣлью постепенное улучшеніе положенія фабричнаго класса и крестьянства и приближеніе соціальной революціи:

1. Установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога.
2. Широкое фабричное и аграрное законодательство (сокращеніе рабочаго дня, повышеніе заработной платы, законодательное регулированіе отношеній между хозяевами и рабочими во всѣх отрослях промышленности, земледѣлія и проч.).
3. Государственная помощь производительным (промышленным и земледѣльческим) артелям.
4. Система мѣр, имющих цѣлью передать в будущем в руки рабочих всѣ фабрики и заводы.
5. Націонализація земли.

Но позднѣйшей программѣ принцип націонализаціи земли т. е. переход ея в вѣденіе государства, замѣнен принципом соціализаціи земли*).

*) Смотри: „Проэкт Программы“ П. С. Р., выработанный редакціей „Революціонной Россіи,“ 1904 г., в вопросах по аграрной политикѣ и поземельных отношеній.

II

Поставив себѣ ближайшей задачей достиженіе политической свободы, мы должны дать теперь ясный отчет о способах достиженія этой задачи, выдвигаемых русской дѣйствительностью.

А. ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТІИ:

Пропаганда, агитація и организація революціонных сил.

Пропаганда имѣет своей цѣлью распространеніе во всѣх слоях населенія идеи политической свободы на основаніи критики существующаго строя, уясненіе способов достиженія этой свободы и изложеніе ближайшей и отдаленной задач Партіи.

Агитація имѣет цѣлью вызвать в различных слоях населенія протесты против существующаго строя, совершающіеся на почвѣ разнообразных мѣстных нужд и интересов.

Пропаганда и агитація должны создавать, как сторонников Соціально-Революціонной Партіи, так и условія для болѣе успѣшной дальнѣйшей дѣятельности ея.

Обращаясь далѣе к выясненію тѣх общественных слоев, среди которых можно ожидать наибольшаго числа сторонников идеи политической свободы во имя соціальной революціи, гдѣ, слѣдовательно, главным образом должна сосредоточиваться пропагаторская и агитаціонная дѣятельность Партіи, мы приходим к слѣдующим выво-

дам относительно каждаго из этих слоев:

1. Интеллигенція. Под словом интеллигенція мы понимаем культурный класс населенія, вмѣщающій в себѣ лиц разнообразных профессій, положеній и взглядов. Дѣятельность Соціально — Революціонной Партіи в средѣ интеллигенціи естественно сосредоточивается главным образом на той части ея, которая наиболѣе всего способна признать и осуществить в жизни принципы Партіи, которая до сих пор всегда выставляла и продолжает выставлять самых энергичных и убѣжденных борцов за политическое и соціальное освобожденіе Россіи. Этот авангард русской революціи черпается из всѣх слоев русскаго общества, но главным образом из дворянства и буржуазіи, являясь, таким образом, по своим убѣжденіям и направленію дѣятельности отщепенцем этих сословій, или становясь прямо в ряды пролетаріата в качествѣ наемных рабочих в сферѣ умственнаго труда.

В этом слоѣ интеллигенціи вмѣстѣ с передовым отрядом промышленнаго пролетаріата создается ядро революціоной Партіи и отсюда оно распространяется на другіе слои населенія.

Среди интеллигенціи особенное вниманіе Партія обращает на учащуюся молодежь, как на наиболѣе воспріимчивую к соціально - революціонным идеям. Дѣятельность Партіи в средѣ учащейся молодежи сводится:

а) К воспитанію и укрѣпленію молодежи в духѣ солидарности, гражданскаго мужества и ум-

ственнаго развитія. С этой цѣлью лица и группы близко стоящія к молодежи, содѣйствуют распространенію в средѣ ея разнаго рода учрежденій и предпріятій (касс взаимопомощи, земляческ и иного рода организацій, библіотек, читален, кружков саморазвитія, товарищеских судов и т. д.) ,организованных протестов против начальства и существующаго правительственнаго устава заведеній,

б) К пропагандѣ соціалистических и революціонных идей и привлеченію молодежи к революціной дѣятельности.

Пропаганда соціально-революціонных идей совершается среди умственно и нравственно окрѣпшей молодежи, способной вполнѣ сознательно относиться к окружающему и к своим задачам. Эта часть молодежи привлекается к практической дѣятельности в духѣ Партіи, служа, с одной стороны, посредствующим звеном между Партіей и остальной частью учащейся молодежи, а с другой стороны, участвуя в нѣкоторых дѣлах, непосредственно касающихся Партіи, и наконец, становясь полноправными членами ея.

Отношеніе Партіи к остальным слоям дворянско-буржуазной интеллигенціи опредѣляется тѣми взглядами и идеалами, которые проводят в жизнь эти слои. Относя большую часть подобной интеллигенціи в ряды сознательных или безсознательных защитников русскаго самодержавія, Партія направляет свою дѣятельность на ту часть, которая во имя ли своих собственных

или чужих интересов становится в антагонизм с самодержавіем и выставляет на своем знамени принцип политической свободы.

Дѣятельность Партіи в средѣ такой либеральной интеллигенціи заключается:

в) В косвенном или прямом участіи во всякаго рода культурных начинаніях, не идущих в разрѣз с принципами Партіи и облегчающих ея революціонную дѣятельность (ученыя и образовательныя общества для культурной и рабочей массы, народныя библіотеки и читальни, распространеніе полулегальных книг, публичныя лекціи для рабочих, газеты для народа и т. п.).

г) В схожденіи на почвѣ свободнаго договора с тою частью либеральной интеллигенціи, которая, не довольствуясь мирной культурной работой, встала в открытую оппозицію с существующим политическим строем, соорганизовавшись самостоятельно в особую конституціонно-либеральную партію и борясь всѣми зависящими от нея средствами (манифестаціями, петиціями, печатной и устной пропагандой идей политической свободы и т. п.).

2. Фабричный пролетаріат. Будучи болѣе или менѣе сплочен общностью экономических интересов, болѣе или менѣе территоріально обединен, а главное, по своему общему культурному состоянію болѣе (сравнительно с другими слоями трудящагося населенія) воспріимчив к идеям политическаго освобожденія и соціализма, фабричный пролетаріат крупных центров должен

привлечь к себѣ самое серьезное вниманіе, являясь в союзѣ с соціалистической интеллигенціей главной опорой Партіи.

Соціально-революціонная дѣятельность среди фабричнаго населенія сводится к устной и печатной пропагандѣ идей соціализма и политической свободы, организаціи революціонных кружков и союзов среди болѣе развитой его части, и в особенности, к агитаціи в болѣе обширных размѣрах на почвѣ насущных потребностей даннаго мѣста и времени.

С этой цѣлью, члены Партіи, непосредственно связанные с рабочими, берут на себя иниціативу или руководительство в рабочих движеніях (стачках), преслѣдующих опредѣленныя задачи (повышеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня, уничтоженіе штрафов, измѣненіе условій расплаты с рабочими, условій труда и т. п.) Главной задачей рабочих членов Партіи в подобных случаях является внесеніе большей сознательности и организованности в самое движеніе, предупрежденіе по возможности неудачных исходов его, и использованіе результатов движенія в интересах Партіи, в особенности по отношенію к пропагандѣ необходимости борьбы с самодержавіем.

3. Крестьянство. Представляя огромнѣйшую часть трудящагося населенія Россіи, крестьянство призвано играть важную роль в нашем экономическом и политическом будущем. Но отводя крестьянству такую роль в будущем, соціально-революціонная Партія не может считать его в

настоящее время главной опорой для достиженія политической свободы и удобной почвой соціально-революціонной пропаганды.

По своей политической забитости, нищетѣ, невѣжеству, разбросанности по огромной территоріи Россіи, крестьянство мало, сравнительно, доступно соціально-революціонной пропагандѣ, и сознательное массовое революціонное движеніе в крестьянствѣ — пока невозможно. Но в виду открытаго систематическаго грабежа народных средств, совершаемаго правительством, часто повторяющихся голодовок, в виду попиранія элементарных человѣческих прав крестьянства, в ввиду, далѣе, постепеннаго, мало замѣтнаго, но безспорно существующаго роста общаго культурнаго сознанія и развитія в средѣ его, в виду, наконец, никогда не исчезающих разнообразных проявленій критической мысли и т. п., нельзя отрицать возможности возникновенія в крестьянствѣ различных форм протеста на почвѣ мѣстных нужд и интересов и выдѣленія личностей и кружков революціонно-соціальнаго характера. Пользоваться такими моментами в жизни крестьянства и выдѣляемыми им революціонными силами не может не войти в задачи Партіи, дѣйствующей сообразно с практическими требованіями дѣйствительности.

Дѣятельность Партіи в средѣ крестьянства сводится:

1) К пропагандѣ идей соціализма и в особенности политической свободы среди наиболѣе развитой части крестьянства при помощи лиц, сто-

ящих близко к нему.

2) К воздѣйствію через эту передовую часть на остальную массу крестьянства. Воздѣйствіе это выражается в организаціи или лишь участіи и руководительствѣ всякаго рода крестьянскими движеніями, преслѣдующими ближайшія практическія цѣли, содѣйствующими росту солидарности интересов, среди трудящихся слоев деревни, главное, подрывающими довѣріе к современному политическому строю. Движенія эти могут преслѣдовать разнообразныя (смотря по характеру мѣстности и условіям быта) цѣли:

а) Повышеніе заработной платы.

б) Уменьшеніе арендных цѣн.

в) Сложеніе податей и недоимок.

г) Открытые протесты против административных притѣсненій со сторонѣ правительственных чиновников, против духовенства, начальства и пр.

Б. СРЕДСТВА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ:

Дѣятельность террористическая и массовая революціонная борьба.

Пропаганда соціально-революціонных идей и агитація служат естественным оружіем для усиленія численнаго состава Партіи и созданія возможно благопріятных условій для успѣшной дѣятельности ея. Но раз революціонное движеніе, выйдя из узких предѣлов первоначальной пропагаторской организаціи станет широко общественным, пустившим достаточно глубокіе корни в различных слоях населенія, тогда наступит

періодъ планомѣрной борьбы с врагом.

Выходя из того положенія, что русскія политическія условія настоящго не есть нѣчто случайное, что они исчезнут лишь вмѣстѣ с насильственно низвергнутым абсолютизмом и что эти условія ставят неодолимыя преграды созданію всероссійской революціонной партіи, могущей с помощью лишь своего физическаго превосходства, путем открытой революціи вступить, с увѣренностью на побѣду, в открытую борьбу с русским самодержавіем, окруженным арміей и всѣми орудіями защиты, мы полагаем, что дѣло разрушенія существующаго политическаго строя будет вестись, слѣдовательно, лишь от имени соціально-революціонной Партіи, покоющейся на принципѣ заговора и связанной с окружающим населеніем органическими нитями массоваго сочувствія, а также дѣятельной поддержки в формѣ открытаго протеста и непрерывнаго появленія отрядов новых борцов на смѣну уходящим.

Одним из сильных средств борьбы для такой Партіи, диктуемым нашим революціонным прошлым и настоящим, явится политическій террор, заключающійся в уничтоженіи наиболѣе вредных, и вліятельных при данных условіях лиц русскаго самодержавія.

Систематическій террор, совмѣстно с другими, получающими только при терроре огромное рѣшающее значеніе, формами открытой массовой борьбы (фабричные и аграрные бунты, демонстраціи и проч.), приведет к дезорганизаціи врага.

Террористическая дѣятельность прекратится

лишь с побѣдой над самодержавіем, лишь с полным достиженіем политической свободы.

Кромѣ своего главнаго значенія, как средства дезорганизующаго, террористическая дѣятельность послужит вмѣстѣ с тѣм средством пропаганды и агитаціи, как форма открытой, совершающейся на глазах всего народа, борьбы, подрывающей обояніе правительственной власти, доказывающей возможность этой борьбы и вызывающій к жизни новыя революціонныя силы, рядом с непрерывающейся устной и печатной пропагандой.

Наконец, террористическая дѣятельность является для всей тайной революціонной Партіи средством самозащиты и охраненія организаціи от вредных элементов—шпіонства и предательства.

Итак, политическая свобода во имя соціальной революціи—такова наша ближайшая цѣль.

Соціалистическая интеллигенція и передовая часть фабричнаго пролетаріата—вот наши главныя, но не исключительныя силы.

Пропаганда, агитація и организація для созданія условій, которыя дадут возможность довести до конца политическое освобожденіе Россіи, при помощи систематической террористической борьбы с самодержавіем, на ряду с другими формами массовой борьбы, исходящей от различных слоев населенія—таковы задачи подготовительной дѣятельности в настоящее время.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЫ И СОЦІАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ.

Предлагаемая читателям брошюра „Наши Задачи“ была издана нашими товарищами в Россіи еще в 1898 г. Они просили нас переиздать ее заграницей и, в случаѣ нашего согласія с ея основными положеніями, выразить печатно это согласіе. Мы тѣм охотнѣе исполняем эту просьбу товарищей, что взгляды, излагаемые в их брошюрѣ, почти цѣликом совпадают с тѣми воззрѣніями, которыя мы защищали в первом выпускѣ „Соціально-революціонной библіотеки“. Нѣкоторое расхожденіе во мнѣніях не может нам служить помѣхой тому, чтобы примкнуть к глубоко продуманной программѣ наших товарищей, отвѣчающей всѣм запросам современной соціально-революціонной дѣятельности в Россіи. Это расхожденіе во мнѣніях касается, главным образом, оцѣнки современнаго положенія крестьянства. Свѣденія, полученныя нами за послѣдніе два года о крестьянских бунтах и отношеніи „бунтарей“ к мѣстным властям, и факт возникновенія „крестьянских братств для защиты народных прав“ *) достаточно, на наш взгляд, свидѣтельствуют, что соціально-политическое сознаніе нашего крестьянства начинает проясняться, что мысль его, так упорно и так безплодно

*) О них смотри изданный нами: Устав „Братства для защиты народных прав.“ Женева 1899 г.

томившаяся в тисках вѣрноподданническаго міросозерцамія, начинает порываться на волю. Возникновеніе в крестьянствѣ различных форм протеста на почвѣ мѣстных нужд и интересов и выдѣленіе личностей и кружков революціонно-соціалистическаго характера, „разсматриваемые Программой лишь, как возможность, которую нельзя отрицать, уже сдѣлалась несомнѣнной дѣйствительностью и уже вызвала к себѣ самое серьезное вниманіе соціалистов всевозможных оттѣнков. Образованіе „Аграрно-Соціалистической Лиги" есть первая попытка проводить на дѣлѣ тѣ пункты, нашей программы, к которым она сводит дѣятельность Партіи в средѣ крестьянства Мы поэтому думаем, что и для наших товарищей в Россіи настал момент перейти от теоріи к практикѣ и взяться за исполненіе этой неотложной дѣятельности. Сочтут ли они удобным примкнуть для этого к „Аграрно-Соціалистической Лигѣ," как это сдѣлали нѣкоторые товарищи из нашей заграничной организаціи, или найдут болѣе для себя цѣлесообразным, независимо от каких либо других организацій, раціонально поставить дѣло соціально-революціонной пропаганды и агитаціи в деревнѣ,— в том и другом случаѣ они должны будут теперь же посвятить часть своих сил на выполненіе этого чрезвычайно важнаго пункта „подготовительной дѣятельности Партіи."

Заговорив об аграрном соціализмѣ и о наших задачах в деревнѣ, мы считаем полезным остановиться на выясненіи тѣх разногласій, которыя господствуют между нами и соціальдемократами по этому вопросу. Мы даже думаем, что центр наших разногласій лежит именно в нем и что по другим вопросам соціальдемократы гораздо скорѣе согласятся с нами, чѣм по вопросам аграрнаго соціализма. Это утвержденіе может показаться голословным, но если ближе всмотрѣться в ту эволюцію, которую русская соціальдемократія продѣлала, то не трудно убѣдиться в справедливости сказаннаго.

Прежде всего несомнѣнно, что соціальдемократы сдѣлали в послѣднее время гигантскіе шаги по направленію

к нашей программѣ, в особенности по вопросу о политической борьбѣ. Долгое время эта борьба, как извѣстно, отождествлялась соціальдемократами с экономической борьбою городского пролетаріата против хозяев, фабрик и заводов. Ведя эту борьбу, они серьезно думали, будто являются продолжателями традиціи „Народной Воли“ и исполняют ту главную обязанность, которая завѣщана нам всей исторіей русскаго оппозиціоннаго и революціоннаго движенія — обязанность непосредственной активной борьбы с русским самодержавіем. Теперь подобнаго рода мнѣнія замѣняются болѣе трезвым взглядом на предмет. Автор брошюры „Рабочее дѣло в Россіи,“ изданной заграничным отдѣлом „Россійской Соціальдемократической Партіи“, прямо сознается, что политическая борьба их партіей до сих пор еще не велась и что эта борьба теперь должна быть поставлена на очередь. Тот же автор при оцѣнкѣ дѣятельности „Народной Воли“ видит единственную причину ея неуспѣха не в ея террористической дѣятельности, а в том обстоятельствѣ, что она не позаботилась привлечь к себѣ симпатіи обширных масс. Логическій вывод из этого, конечно, должен быть тот, что теперь, при все большем и большем привлеченіи масс к соціально-революціонному знамени, террористическая борьба получает все больше и больше шансов на успѣх. А если припомнить, что до сих пор еще никому не удалось указать на другіе способы непосредственной, активной борьбы с правительством, которые могли бы замѣнить систематическій террор, то шансы этого послѣдняго еще больше возрастут, чуть только революціонеры очутятся лицом к лицу с задачей политической борьбы. К сожалѣнію, автор упомянутой брошюры не дѣлает этого логическаго вывода; но этот вывод дѣлается за него другими.

Понятно, что соціальдемократія, сдѣлавшая эти уступки, не только ничего не потеряла, но, наоборот, многое от этого выиграла. Ибо дѣлать в области программных вопросов какую нибудь уступку не всегда значит терять и отступать. Если эта уступка диктуется жизнью, то

дѣлая ее, мы отнимаем у противника один из его резонов существованія, вытѣсняем его из сильно укрѣпленной позиціи и занимаем ее сами. В этом случаѣ уступки значат завоеванія. И таких завоеваній русская соціальдемократія сдѣлала много. Напомним лишь, об ея измѣнившемся отношеніи к роли интеллигенціи и к работѣ среди сельских батраков.

В виду этих уступок со стороны соціальдемократіи, многіе из наших товарищей, сочувствующих ея несомнѣнно плодотворной дѣятельности и радующихся по поводу очищенія ея программы от узкосектанских взглядов того періода ея развитія, который может быть назван „плехановским“ серьзно питают надежу, и что по аграрно-соціалистическим вопросам между нами и соціальдемократами возможно полное теоретическое и практическое соглашеніе. Этих то товарищей мы и просим обратить вниманіе на ту пограничную черту, которая отдѣляет соціальдемократов от соціалистов-революціонеров, ту черту, которая является „естественной гравицей“ ея „завоеваній,“ которую она до сих пор не переступила и перейдя которую, она перестанет быть тѣм, что она по существу своему представляет.

Черта эта — отношеніе к труду не наемных работников к труду, не отдѣленному от права собственности на орудія и средства производства. Если борьба труда с капиталом есть базис всякаго современнаго научнаго соціализма, то борьба наемнаго труда с капиталом представляет собою характеристическую особенность марксистскаго соціализма, легшаго в основу германской и русской соціальдемократіи. Для марксизма не важен весь рабочій класс, т. е. вся совокупность слоев населенія, живущих исключительно своим собственным трудом, но лишь опредѣленная часть этого рабочаго класса, т. е. пролетаріат. Пролетаріат, это — по Марксу — тот класс современных рабочих, которые живут лишь по стольку, по скольку находят заработок и которые находят заработок лишь по столько, по скольку их труд увеличивает капитал. *)

*) Только этот класс революціонен, по мнѣнію Маркса

Всѣ остальные слои трудящагося люда, как бы ни были противоположны их интересы интересам буржуазіи, скорѣе реакціонны, чѣм революціонны. „Из всѣх классов, которые нынѣ стоят против буржуазіи, только пролетаріат—говорит Маркс—есть дѣйствительно революціонный, класс. Остальные классы вырождаются и гибнут при крупной промышленности, пролетаріат есть ея собственный продукт. Среднія сословія, мелкіе промышленники, мелкій торговец, ремесленник, крестьянин, всѣ они борятся с буржуазіей, чтобы сохранить свое существованіе, как средних сословій, от гибели. Всѣ они не революціонны, но консервативны. Болѣе того, они реакціонны, стремясь повернуть назад колесо исторіи.“ †

Марксистская классификація современнаго общества сводится по этому к трем группам: 1) крупной буржуазіи, живущей эксплуатаціей наемнаго труда, 2) пролетаріату, живущему исключительно продажей своей рабочей силы и 3) средним сословіям. К этим средним сословіям безразлично отнесены и крестьянин, живущій исключительно собственным трудом, прилагая его к своему надѣлу, и крестьянин эксплуатирующій труд батраков, и ремесленник, не пользующійся ни каплей чужой рабочей силы, и мастерок, высасывающій послѣдніе соки из своих подмастерьев, и кулак, и мелкій лавочник.

Представители труда раз-единены в классификаціи Маркса. „Работник“ и „пролетарій“ могут оказаться в двух враждебных лагерях, тогда как классификація общества, которая характеризует русскій соціализм и составляет основу его теоріи классовой борьбы, раздѣляет общество лишь на два противоположных лагеря: трудящихся с одной стороны и живущих чужим трудом с другой.

---

*) Коммунистическій Манифест. Пятое Изданіе. Берлин, 1891 г. стр. 14.

† Там же, стр. 16.

Эта классификація коренным образом, как видим, расходится с марксистской, *)

То же раз-единеніе „работника“ и „пролетарія“ лежит в основѣ „Эрфуртской Программы“; по крайней мѣрѣ, к нему направлены всѣ комментаріи Каутскаго. Этот же основной взгляд проходит красной нитью во всѣх теоретическихъ работах русских соціальдемократов.

---

*) С марксистской классификаціей общественных групп любопытно сравнить ту, которую предложил Лассаль. По мнѣнію Лассаля, все, так называемое, „третье сословіе“ распадается на два подкласса: на тѣх, „которые получают свой доход исключительно или главным образом с труда,“—рабочіе, мелкіе мѣщане, ремесленники и крестьяне,— и на тѣх, которые вкладывают свои большіе капиталы в производство или получают с них ренту. Но и эти послѣдніе не составляют еще—по мнѣнію Лассаля—класса буржуазіи, покуда они не стремятся к тому, чтобы сдѣлать капитал правовым условіем для политическаго господства в государствѣ. (Ф. Лассаль “Об особом взаимоотношеніи и проч. Цюрих—Готтинген, 1886 г. стран. 15—16). И здѣсь, как в марксистской классификаціи, тот же основной недостаток: труд и капитал, свой труд и присвоенный чужой, в ней недостаточно раз-единены. Маркс отводит наемному труду особое мѣсто и смѣшиваетъ представителей всѣх других видов труда с мелкими капиталистами. Лассаль отводит особое мѣсто крупному капиталу и смѣшивает всѣ другіе его виды со всѣми видами труда. То преимущество лассальской классификаціи, по которой всѣ представители труда об-единены в одну категорію, аннулируется у него чрезвычайно вредным пристегиваніем к ним представителей мелкой эксплуатаціи, от которой рабочему люду гораздо горьше живется, чѣм на крупных фабриках и заводах. Это же пристегиваніе открывает настежь дверь всѣм “опортюнистам,“ добивающимся слитія рабочей партіи с мелко-мѣщанской демократіей.

К сожалѣнію, и молодая русская соціальдемократія не представляет в своих программных заявленіях исключенія из общаго марксистскаго правила. Орган „Союза Русских Соціальдемократов,“ „Рабочее Дѣло,“ стремится по этому вопросу дойти вплотную до той линіи, которая служит пограничной чертой для марксистской соціальдемократіи, но переступить эту границу не рѣшается. В доказательство этого мы приводим цѣликом в высшей степени характерное заявленіе редакціи „Рабочаго Дѣла“, посвященное занимающему нас вопросу: „Союз, говорится там, будет проводить в литературѣ взгляд, что Россійская Соціальдемократическая Партія является борцом за экономическіе интересы и права ВСѢХ слоев рабочаго класса.. . . „(Идет нижеслѣдующее перечисленіе „всѣх“ этих слоев. Напечатанное крупным шрифтом, слово, „всѣх“ должно свидѣтельствовать о том, что С Р. С. Д-не намѣрен ограничиваться одним только городским пролетаріатом.—С. Г.). “ . . . фабрично - заводских, желѣзнодорожных, торговых, ремесленных, кустарных и сельско хозяйственных рабочих. . . . „(Пока дѣло идет очевидно исключительно о представителях всѣх видов чисто наемнаго труда. Здѣсь начинается перечень тѣх труженников, которые еще не окончательно лишились права собственности на средства или орудія производства.—С. Г.). “. . а также той многомилліонной массы мелкаго крестьянства (безлошаднаго, безнадѣльнаго, бездомнаго, сдающаго надѣлы и проч.), хозяйственная самостоятельность которой есть простая фикція и которая зарабатывает себѣ средства к существованію наемным трудом в формѣ батрачества отхожих промыслов, кабальной работы, испольной за долги на помѣщиков и деревенских кулаков и т. д“

Послѣдніе слова подчеркнуты нами. Они показывают, с какой скрупулезной точностью редакція „Рабочаго Дѣла“ вычеркивает ту пограничную линію, которая диктуется ей основными теоретическими воззрѣніями ея партіи.

По мнѣнію Редакціи, соціальдемократія должна отстаивать интересы всѣх слоев рабочаго класса, но она не ограничивается этим простым и ясным заявленіем, само собою разумѣющимся в устах соціализма. Она начинает опредѣлять; критеріем для этого опредѣленія оказываются отсутствія экономической самостоятельности и наемный труд. Но „всякое опредѣленіе есть отрицаніе". Это правило діалектическаго мышленія здѣсь оправдалось, как нельзя лучше. „Отрицается" на основаніи этого заявленія вся та многомилліонная масса, которая еще не потеряла ни своей лошади, ни своего надѣла, ни своего дома, и даже кое кдѣ ухитрилась не только не сдать в наем свой крошечный надѣл, но и приняять земли у помѣщика. „Отрицается" далѣе еще болѣе многомилліонная масса крестьянства, самостоятельность которой хотя и висит на волоскѣ, но которая всетаки умудряется прожить без продажи своей рабочей силы. Всѣм этим трудовым элементам, которым нѣт мѣста в перечисленіи всѣх слоев рабочаго класса, отводится особый отрывок, непосредственно слѣдующій за первым:

„Признавая огромное значеніе в Россіи аграрнаго вопроса т. е. вопросов о поземельных отношеніях, о правовом и экономическом положеніи ста милліонов сельскаго населенія, о взаимных отношеніях между крестьянством, дворянством и сельскими рабочими, — Союз обратит серьезное вниманіе на эти вопросы, выясняя в литературѣ вліяніе аграрных отношеній на условія борьбы и положеніе рабочаго класса в Россіи.

Не предрѣшая политической роли русскаго крестьянства в будущем, редакція будет выяснять существующія в его средѣ экономическое неравенство и противорѣчіе интересов, различные виды эксплуатаціи дворянством и кулаками деревенской бѣдноты (аренда, ростовщичество, система отработков и пр.), а также вопіющія формы правового неравенства крестьянства („податное сословіе", тѣлесныя наказанія, земскіе начальники, кабала недоимщиков и т. д.); будет обращать серьезное вниманіе на всѣ

проявленія стихійнаго недовольства и сознательнаго протеста в крестьянской средѣ, в особенности на крестьянскіе „бунты“ и на различныя формы сектантскаго движенія, как самаго крупнаго доселѣ проявленія умственнаго пробужденія и оппозиціоннаго настроенія в массѣ крестьянства.“

Этот отрывок, в котором впервые выступает и земледѣлец-землевладѣлец отличается от предыдущаго, в котором говорилось о „всѣх слоях рабочаго класса“ тѣм, что в то время, как там Редакція опредѣленно знает, на чью сторону ей надо становиться и чьи интересы отстаивать, она здѣсь говорит лишь о том, что будет „обращать серьезное вниманіе на вопросы“ и „выяснять“. К сожалѣнію, она нигдѣ не выясняет, какой точки зрѣнія она будет держаться при разборѣ этих чрезвычайно важных вопросов: будет ли она защищать интересы представителей земледѣльческаго труда в их борьбѣ против грозящей им пролетаризаціи или, наоборот, не замедлят „выяснить“ нам, что эта пролетаризація — неизбѣжное явленіе, против котораго всякая борьба безполезна и даже не желательна, так как все таки может на время задержать численное наростаніе пролетаріата.

Цитируемое нами мѣсто оканчивается слѣдующим отрывком:

„Выясняя особенности форм и условій труда, различія видов экономическаго гнета и безправія, присущих каждому из названных слоев эксплуатируемой массы, редакція будет на ряду с этим особенно подчеркивать общность экономических, правовых и политических интересов всего рабочаго народа Россіи. Лишь в борьбѣ за интересы и права всѣх трудящихся против всѣх форм экономическаго, политическаго, національнаго и религіознаго гнета, россійская соціальдемократія выполнит свою историческую задачу: низверженіе самодержавія и полное экономическое и политическое освобожденіе рабочаго класса.“ На этот раз подчеркнутыя слова при-

надлежат не нам, а самой редакціи „Р. Д.“ И подчеркнуты на самом дѣлѣ очень хорошія слова, значеніе которых, однако, сильно теряет от того, что предыдущія заявленія поневолѣ должны были вселить слѣдующую мысль: редакція соціальдемократическаго „Р. Д.“, для которой „кто продолжает видѣть в марксизмѣ лишь „гипотезу“ или мнимыя философскія посылки,“ тот столь же основательно отрѣзывает себя от русскаго рабочаго движенія, как и от западно-европейскаго,“ *) в идейном согласіи с творцом „Коммунистическаго Манифеста“, с комментаріями к „Эрфуртской Программѣ“, Каутскаго, со всей соціальдемократической литературою „плехановскаго періода“, и в еще большем идейном согласіи с автором „Задач русских соціальдемократов“, гдѣ крестьянство, как представители мелкой собственности, еще противоставляется рабочему классу, — эта редакція, говорю я, вряд ли может под термином „всѣ трудящіеся,“ „весь рабочій народ“ понимать и тѣх работников, которые не лишены права собственности на орудія и средства производства, т. е., главным образом, крестьян. Бороться за их интересы, отстаивать их повседневныя нужды, вести их классовую борьбу против помѣщиков и куликов, вести среди них соціально-революціонную агитацію и пропаганду на почвѣ мѣстных нужд и интересов ни редакція „Рабочаго Дѣла“, в частности, ни соціальдемократическая программа вообще обѣщать не могут.

Мы видим, таким образом, что редакціи „Рабочаго Дѣла“ честно и добросовѣстно сдѣлала все, что могла сдѣлать в этом отношеніи. Она вплотную дошла до той границы, до которой соціальдемократія вообще может дойти; она обѣщалась работать для не-пролетарских слоев рабочаго класса лишь по стольку, по скольку их интересы вполнѣ совпадают с интересами пролетаріата.

*) Из рецензіи г. В. К. на нашу брошюру: Соціализм и борьба за политическую свободу. Р. Д., № 1, стр. 138.

Переступить в этом пунктѣ круг марксистских идей она не может, если хочет остаться вѣрной основным принципам соціальдемократіи.

Само сабсй разумѣется, что мы ей из этого не дѣлаем никакого упрека. Круг марксистских идей слишком обширен и всѣ элементы его (по крайней мѣрѣ, на первый взгляд) настолько прекрасно согласованы между собою, что критически разобраться в нем не так то легко. Русская соціальдемократія признает марксизм своей теоретической основой. Было бы недобросовѣстно с нашей стороны, если бы мы упрекали наших товарищей в том, что они остаются вѣрны своим основным убѣжденіям. . .

* * *

В отличіе от утопическаго соціализма, научный соціализм доказывает, что соціальное освобожденіе народа может быть дѣлом лишь самаго народа, т. е. его громаднаго трудящагося большинства, непосредственно заинтересованнаго в уничтоженіи эксплуатаціи и в разумной организаціи общественнаго труда.

Карл Маркс не отводил бы в дѣлѣ осуществленія соціализма такой роли пролетаріату, если бы не был убѣжден, что класс наемных работников составляет или по законам общественнаго развитія, обязательно должен составить громадное большинство всего общества.

„ Всѣ движенія, совершавшіяся до сих пор," говорит он в „ Манифестѣ," „ были движеніями меньшинства, или в интересах меньшинства. Движеніе пролетаріата есть самостоятельное движеніе подавляющаго большинства в интересах этого же большинства." *)

Это положеніе мнѣ кажется центральным пунктом всего научнаго соціализма Карла Маркса. Это — краеугольный камень всего зданія, с устраненіем котораго оно теряет свое равновѣсіе.

---

*) „ Манифест," стр. 17.

Всѣ части его согласованы такъ, чтобы покоиться на утвержденіи, что пролетаріатъ неминуемо сдѣлается „подавляющимъ большинствомъ“ всего народа и притомъ такимъ большинствомъ, для котораго всѣ соціальныя и нравственныя основы стараго общества, служащія помѣхой осуществленія коммунистическаго идеала: собственность, семья, религія, отечество, потеряютъ всякое значеніе. Коммунистическій строй неизбѣжно осуществится именно потому, что подавляющее большинство народа при процессѣ „вывариванія въ котлѣ капитализма“ освободится отъ власти этихъ враждебныхъ коммунизму силъ и привыкнетъ на большихъ фабрикахъ и другихъ грандіозныхъ предпріятіяхъ къ солидарности и необходимой дисциплинѣ. Таковъ центральный пунктъ марксистскаго научнаго соціализма, его внутренняя идея, душа, оживляющая его. Имѣя эту идею въ виду, Марксъ вырабатывалъ свою теорію общественной и исторической жизни и анализировалъ экономическія основы капиталистическаго строя. Теорія „концентраціи капиталовъ“, должна была, между прочимъ, показать, какъ создаются фабрики—университеты, въ которыхъ пролетаріатъ обучается соціальному уму-разуму. Теорія кризисовъ должна была познакомить насъ съ тѣми силами, которыя преимущественно содѣйствуютъ численному наростанію пролетаріата. Теорія все большаго и большаго нищанія массъ рисовала намъ тотъ процессъ „выварки,“ въ которомъ пролетаріатъ освобождается отъ основныхъ понятій стараго міра, отъ соціальныхъ и нравственныхъ устоевъ буржуазнаго общества.

Понятно, что всѣ эти три теоріи тѣсно связаны между собою, другъ другу помогаютъ и часто перенимаютъ функціи одна другой, и само собою разумѣется, что не на одныхъ этихъ трехъ китахъ марксистскій міръ стоитъ. Вокругъ этихъ трехъ основныхъ пунктовъ научнаго соціализма Маркса и Энгельса разрослась въ ихъ теоретическихъ взглядахъ цѣлая система философскихъ, соціологическихъ и научно-историческихъ ученій, которыя частію были восприняты ими изъ окружающей умственной атмосферы, частію найдены путемъ наблюденія и анализа дѣйствительности и частію

скомбинированы — преимущественно геніальной мыслью Маркса—из этих двух элементов. Но основныя линіи этих отдѣльныхъ ученій были проведены такъ, чтобы ихъ естественнымъ продолженіемъ являлись теорія концетраціи капиталовъ, теорія кризисовъ и теорія пролетаризаціи массъ и чтобы ихъ логическимъ завершеніемъ, точкою ихъ скрещенія являлась идея о пролетаріатѣ, какъ о „подавляющемъ большинствѣ“ народа, освобожденномъ отъ всѣхъ буржуазныхъ понятій, дисциплинированномъ и солидаризированномъ процессомъ капиталистическаго производства, а поэтому и совершающимъ соціальную революцію въ своихъ собственныхъ интересахъ, „т. е. въ интересахъ подавляющаго большинства.“ *)

Пусть не возразятъ намъ, что мы перевернули верхъ дномъ отношеніе отдѣльныхъ частей въ системѣ марксизма, что мы приняли за его исходный пунктъ ученіе о качественной и количественной роли пролетаріата, къ которому безсознательный суб-ективизмъ философскаго творчества подогналъ, какъ къ своему логическому завершенію, все остальное, тогда какъ въ дѣйствительности дѣло, дескать, было какъ разъ наоборотъ: исходнымъ пунктомъ было безпристрастное, об-ективное изученіе дѣйствительности, а взглядъ Маркса на пролетаріатъ и его историческую роль явился непреднамѣреннымъ результатомъ методически вѣрнаго научнаго изслѣдованія.

В ответъ на это было бы нетрудно провести массу данныхъ изъ исторіи умственнаго развитія Карла Маркса, свидѣтельствующихъ о томъ, что путь выработки его научнаго соціализма былъ именно такой, какой мы его характе-

---

*) Едва ли необходимо добавить, что, несмотря на безсознательный суб-ективизмъ, руководившій теоретическими построеніями Маркса, мы въ нихъ находимъ массу цѣнныхъ об-ективныхъ истинъ, значеніе которыхъ для общественной науки будетъ велико еще и тогда, когда отъ такъ называемаго научнаго соціализма останется одно лишь поучительное воспоминаніе.

ризовали выше. Мы ограничимся лишь напоминаніем слѣдующих фактов. Когда Маркс в Парижѣ в 1843 и 1844 г. г. примкнул к французскому соціализму и, вмѣстѣ с так называемым „истинным“ соціализмом, трудился над его философским обоснованіем помощью фейербаховских доктрин, об его изученіи экономической дѣйствительности еще не могло быть рѣчи. Между тѣм в работах представителей „истиннаго“ соціализма мы уже находим всѣ важнѣйшие элементы „научности“: и естественный ход вещей, и революціонная роль капитализма, и историческая миссія пролетаріата нашли себѣ в Гессѣ и Грюнѣ убѣжденных приверженцев. Затѣм, анализ экономической дѣйствительности, поскольку его результаты были важны для „Манифеста Коммунистической Партіи,“ сдѣлан был до Маркса той школой, которую он в „Манифестѣ“ окрестил именем „мелко-буржуазной.“

„Соціализм этот“ говорится в „Манифестѣ,“ „в высшей степени глубоко проанализировал противорѣчія современных условій производства, разоблачил лицемѣрныя прикрашиванія политико-экономов, неопровержимо доказал разрушительное дѣйствіе машиннаго производства и раздѣленія труда, концентрацію капиталов и поземельной собственности, чрезмѣрное производство, кризисы, неизбѣжную гибель мелкаго мѣщанства и крестьянства, нищету пролетаріата, анархію в производствѣ, вопіющія несправедливости в распредѣленіи богатства, истребительную промышленную войну націй между собою, разложеніе старых нравов, старых семейных отношеній, старых національностей.

Маркс нисколько не сомнѣвался в абсолютной вѣрности этих результатов. Расходился он тогда с мелко-буржуазным соціализмом лишь в тѣх соціально-политических выводах, которые мелко-буржуазные соціалисты дѣлали из своего анализа дѣйствительности. „По своему положительному содержанію,“ говорит он, „этот соціализм хочет, однако, либо возстановить старыя средства производства и сообщенія, а с ними и всѣ отношенія собственности, и само старое общество, либо же насильно

втиснуть современныя средства производства и сообщенія в рамки старых отношеній собственности, которыя были и должны были быть разрушены ими. В обоих случаях он равно реакціонен и утопиченъ. Цѣховой строй в мануфактурѣ и патріархальное хозяйство в деревнѣ, вот его послѣднія слова."

Понятно, что если для спасенія трудящагося крестьянства от пролетаризаціи нѣт других путей, кромѣ патріархальнаго хозяйства и цѣховаго строя, тогда эта пролетаризація неминуема и класс наемных работников неизбѣжно должен сдѣлаться „подавляющим большинством."

Задумываться над пріисканіем других средств спасенія для разоряющагося крестьянства Маркс не мог. Этому мѣшало, во первых, перенятое от Гегеля ученіе о „естественном ходѣ вещей," исключающее всякую попытку установить, путем соціологическаго и политико экономическаго анализа, тѣ переходныя формы организаціи сельскаго труда, при которых интересы крестьян могли бы быть хоть отчасти удовлетворены, даже и при господствующем строѣ, и которыя избавили бы их от необходимости превратиться в неимущих пролетаріев.

Серьезно относиться к вопросу о деревенских ассоціаціях, напр., подобно тому, как это дѣлается теперь и в теоріи и на практикѣ нашими товарищами в Бельгіи, значило бы для Маркса эпохи „Манифеста" впасть в „прудонизм," это олицетвореніе „соціализма мелкаго мѣщанства." Еще в 1872-м году теорія и практика бельгійской партіи казались Энгельсу мелко-буржуазной и утопичной. Единственная страна, писал он, в которой рабочее движеніе находится под непосредственным вліяніем прудонистских „принципов," это Бельгія и бельгійское движеніе именно поэтому и идет, как Гегель выразился, — из ничего, через ничто и ни к чему" *)

---

*) Фр. Энгельс. „К жилищному вопросу" Лейпциг, 1872. Третья тетрадь, стр. 3.

Теперь подобнаго рода осужденіе „прудонистских принципов" вызвали бы всеобщій смѣх, но в 1872 году а еще раньше в концѣ 40-х годов, мысль об экономической организаціи крестьян для общей борьбы с капитализмом противорѣчила бы тому, как казалось, несомнѣнно установленному „ ходу вещей, " по которому всѣ средніе слои населенія должны были исчезнуть и очистить поле для борьбы двух главных классов современнаго общества, буржуазіи и пролетаріата.

Заботам о судьбѣ крестьянства, составлявшаго тогда во всяком случаѣ большинство трудящихся классов, мѣшал, во вторых, тот воодушевлявшій Маркса идеал полнѣйшаго переворота общественной жизни, с точки зрѣнія котораго только неимущій и выброшенный за борт общества пролетарій мог быть его носителем. Революціонно-коммунистическій идеал Маркса не ограничивался требованіем уничтоженія частной собственности на орудія и средства производства. Уму его рисовалось полное разрушеніе современнаго ему обшества, сдача в архив всѣх политических, нравственных, филосовских, правовых и религіозных основ общественнаго развитія. Само существованіе нравственности, философіи, права, политики и религіи, как бы ни было различно их содержаніе в разныя эпохи историческаго развитія. Маркс разсматривал как слѣдствіе того общаго факта исторіи прошлаго, что одна часть общества эксплуатировалась другою. *) Совершенно избавиться от власти этих „идеологических надстроек" мог, по его мнѣнію, лишь пролетарій, разорвавшій со всѣм обществом в силу своего экономическаго положенія.

Затѣм, психика пролетаріата, освобожденная экономическим процессом от фурій собственности, фантастических представленій религіи, нравов и воззрѣній филистера, привлекала и продолжает привлекать сердца марксистов. В сравненіи с нею психика крестьянина, находящаяся

*) См. „Манифест, стр. 23.

под сильной властью бевчисленных жизненных мелочей, связанных с введеніем его микроскопическаго многосложнаго хозяйства, его безпрестанная забота о своей лилліпутской собственности, ежеминутно грозящей уплыть из под его ног, должна была казаться непреоборимой преградой для всякой соціалистической пропаганды. „Антиколлективистическій черепъ," „твердыня реакціи", — вот тѣ эпитеты, которыми марксизм надѣляет крестьянство. С этой точки зрѣнія, превращеніе крестьянина в пролетарія является процессом, не только неизбѣжным, но и в высшей степени желательным. Пролетаріат дѣлается „неимовѣрным большинством народа" и хорошо, что он им дѣлается. Это значит, что весь народ или, покрайней мѣрѣ, неимовѣрное большинство его освободится от всѣх тѣх преград, которыя мѣшали ему примкнуть к соціализму.

Точка зрѣнія марксизма, опирающагося лишь на городской пролетаріат, давала массу преимуществ и для теоретической борьбы с буржуазными и феодальными противниками соціализма, и для пропаганды его среди интеллигенціи, и для веденія самого революціоннаго дѣла, т. е. для политической организаціи городских рабочих масс. В особенности для послѣдняго. Марксистов часто упрекают в том, что они мало считаются с конкретной дѣйствительностью, к которой подходят с заученными абстрактными формулами. Это и вѣрно, и невѣрно. Марксизм считается с дѣйствительным, конкретным положеніем пролетаріата, только его интересами он серьезно заинтересовался, потому что, по его мнѣнію, они должны стать интересами „подавляющаго большинства" народа. Вот почему он с конкретной дѣйствительностью, угнетающей всѣх других представителей труда, мог до самого послѣдняго времени интересоваться меньше. Цѣну для него имѣли в этой дѣйствительности лишь тѣ отрицательныя стороны, которыя подтачивали и разрушали тѣ или другія „устои" и ускоренным шагом приводили к отдѣленію производителя от его орудій и средств производства. Революціонная задача, таким образом,

значительно упрощалась. Вмѣсто чрезвычайно запутанной сѣти интересов всѣх трудящихся, которые должна была бы отстаивать соціалистическая партія, она могла ограничиваться лишь организаціей классовой борьбы пролетаріата против буржуазіи, т. е. такой дѣятельностью, которая лежит как раз по линіи наименьшаго сопротивленія. . . .

Мы поэтому вполнѣ понимаем психологію марксистов, нѣпко держащихся за свои принципы. Чуть только мы оставляем „ точку зрѣнія пролетаріата " т. е., проще говоря, тот взгляд, по которому пролетаріат неминуемо сдѣлается подавляющим большинством народа, чуть только мы должны приспособлять нашу дѣятельность к многочисленным и чрезвычайно запутанным интересам всѣх других не пролетарских слоев труда, как сейчас же ясность и простота соціальдемократической программы теряется. Возникают затрудненія, о которых городской общественный дѣятель и понятія не имѣет. Появляются вопросы, над которыми господствующая на Западѣ соціалистическая мысль только в самое послѣднее время стала серьезно задумываться. Немудрено, что у нас в Россіи нѣкоторые марксисты как Плеханов, Волгин и Ко, готовы замечтаться на тему, как хорошо бы, дескать, было, еслибы, в пору освобожденія крестьян, их совсѣм без земли пустили на волю. Неудивительно также, что наиболѣе убѣжденные марксисты должны радоваться тому процессу, который камень по камню разнимает „ крѣпость реакціи " и из ея матеріала складывает ту скалу, на которой, по словам Лассаля, должна быть построена церковь будущаго.

Признаемся, еслы бы мы, подобно марксистам, были убѣждены, что пролетаризаціи крестьянства ничѣм не отвратимый процесс, мы, подобно марксистам же с насмѣшливым презрѣніем относились бы ко всѣм упрекам и „безсердечіи," „ безчувственной холодности к интересам народа " и т. д. и т. д.,—упрекам, которые наши товарищи часто расточают по адресу марксистов, мѣряя их чувство своим собственным чувством и не выноль-

ния того главнаго требованія при нравственном осужденіи товарищей, которое состоит в том, чтобы становиться на их точку зрѣнія. Но большинство марксистов держится за свою „ пролетарскую " точку зрѣнія отнюдь не потому, чтобы оно, изучив досконально историю и открыв законы, управляющіе ея „ естественным ходом," приложило эти открытые законы к столь же досконально-изученной русской дѣйствительности. Далеко нѣт.

Многіе у нас вообще очень либерально относятся к требованіям научной добросовѣстности и ригоричным запросам научнаго убѣжденія. Вѣра в авторитеты у нас слишком часто занимают мѣсто добросовѣстнаго изслѣдованія. А у наших марксистов это либеральное отношеніе к наукѣ и эта безграничная вѣра в авторитеты усугубляются еще тѣм обстоятельством, что они в „ точкѣ зрѣнія пролетаріата " видят революціонную тактику, которая обезпечивает за ними выгоды „ линіи наименьшаго сопротивленія."

Однако, как ни заманчивы удобства, доставляемыя „точкой зрѣнія пролетаріата," не надобно забывать, что „линія наименьшаго сопротивленія" не всегда совпадает с линіей наибольшаго успѣха. Эта истина становится все болѣе и болѣе ясной для соціалистических партій Европы. Пятьдесят лѣт дѣятельности по „линіи наименьшаго сопротивленія" привела к тому, что они теперь очутились почти на границѣ своих успѣхов. Оказалось необходимым взглянуть трезвыми глазами на революціонные шансы чисто пролетарской партіи и еще раз критически пересмотрѣть весь научный арсенал марксизма, приспособленный исключительно для защиты точки зрѣнія пролетаріата. Начался так называемый „кризис марксизма," который, по существу своему, главным образом, и вертится вокруг вопроса, оставаться ли соціалистическим партіям исключительно партіями городского пролетаріата или им необходимо включить в сферу отстаиваемых ими интересов и нужды всѣх других представителей труда.

Этот пересмотр основоположеній марксизма находится

еще в первых стадіях своего развитія. Многіе изъ „критиковъ" еще самимъ не ясенъ весь смыслъ совершаемой ими революціи в воззрѣніяхъ современной соціальдемократіи. Многіе вопросы еще только намѣчены и еще не поставлены серьезнымъ образомъ на дискуссію. Но уже на первыхъ стадій спора видно, что центральное положеніе, такъ называемаго „научнаго соціализма," его предсказаніе о томъ, что пролетаріатъ неминуемо долженъ сдѣлаться „подавляющимъ большинствомъ" народа, не только пока еще не оправдалось, но дѣлается все болѣе и болѣе проблематичнымъ. Статистическія выкладки, на основаніи послѣдней германской переписи, приводимыя в доказательство этого центральнаго положенія, показываютъ, напримѣръ, что если к сельскому пролетаріату отнести и всѣхъ тѣхъ сыновей, дочерей, жен и прочих родственников, которые участвуют в экономической дѣятельности крестьянской семьи, то тогда. и только тогда, общее количество рабочаго населенія, живущаго наемным трудом, достигает во всяком случаѣ крупнаго большинства, участвующаго в производствѣ населенія Германіи. но если высчитать эти рабочія силы крестьянской семьи из общаго числа пролетаріата, тогда окажется, что не только организованный в городской промышленности пролетаріат, но и все количество населенія, живущаго наемным трудом, все еще составляет м е н ь ш и н с т в о н а р о д а.

Поэтому одной из любимых позицій „ортодоксов" в их борьбѣ с „новаторами" состоит теперь в том, чтобы доказать, до какой степени плохо живется тѣм самостоятельным производителям, которые еще не развязались со своими орудіями производства и не перешли на положеніе наемников. Аргумент этот уже приводился Каутским в его комментаріях к „Эрфуртской Программѣ," гдѣ он проводил мысль, что существованіе такого крупнаго числа самостоятельных работников доказывает не их жизнеспособность, но их „способность к голоданію". Тот же аргумент повторяется и в его позднѣйших работах. И на этом же доводѣ главным образом выѣзжает и Бебель в своей громовой рѣчи против Бернштейна на ганновер-

скомъ с-ѣздѣ партіи. Несомнѣнно, что в борьбѣ с буржуазными публицистами подобные аргументы, почерпнутые из самой дѣйствительности, чрезвычайно важны. Они показывают, что не только пролетаріат, но и весь рабочій класс, всѣ трудящіеся слои населенія, и не пролетарскіе слои еще больше, чѣм сам городской пролетаріат, страдают от современнаго капиталистическаго строя, из котораго выход открыт только в сторону соціализма. Но в спорѣ с антимарксистскими соціалистами о численном ростѣ и революціонной роли пролетаріата аргументы эти могут играть лишь роль пломбы для пустого зуба, котораго уже не излѣчить, который раньше или позже придется выдернуть совсѣм.

„Способность к голоданію!“ Но гдѣ гарантія, что эта способность прекратится? Людям так или иначе жить хочется и они всѣми силами стараются держаться за тѣ крохи собственности, которыя, хоть и выматывают всѣ силы, но дают, по крайней мѣрѣ, возможность как нибудь перебиваться. Что и говорить, горькое это житье. Но для огромнаго числа крестьян и мелких ремесленников-одиночек другого выхода фактически нѣт, и соціалистическим партіям остается либо серьезно задуматься над их судьбою и найти для них тѣ формы экономической борьбы, которыя принесла бы им хотя такое же улучшеніе, какое она принесла городским рабочим, либо же окончательно махнуть на них рукой и философски дожидаться, когда у них истощится эта феноменальная „способность к голоданію.“

Очевидно, что махнуть на них рукой не приходится. Как бы ни была незначительна их роль в производствѣ „національнаго богатства“ — они сами себя едва прокармливают — их п о л и т и ч е с к а я роль громадна. Идя за тѣми, кто хоть кое как и с едва скрытыми корыстными цѣлями входят в их нужды, они на самом дѣлѣ служат твердыней для реакціи и могут парализовать всѣ успѣхи, добытые в городѣ организованным меньшинством „по линіи наименьшаго сопротивленія.“ Волей-неволей приходится распроститься с простотою и ясностью марксистской

тактики и заняться распутываніем той мелко-сплетенной сѣти безысходной нужды и хозяйственных мелочей, из которых повсюду соткана многопечальная крестьянская жизнь. . . . Честь перваго рѣшительнаго шага в этом направленіи принадлежит в Европѣ той странѣ, которая издавна славилась своей ересью по части марксизма, Бельгіи, той самой Бельгіи, над которой так зло подтрунивал Энгельс. Бельгійская соціалистическая партія, может быть, потому, что в ней никогда не глохли „мелкобуржуазные принципы прудонизма," первая переступила городскую черту и понесла идеи аграрнаго соціализма в деревни и села. А познакомившись поближе с крестьянством, она относительно его психики, казавшейся соціалистам чем-то в родѣ „чудища. обла, огромна и стоѣвна," начинает приходить к тѣм взглядам, которые у нас в концѣ 80-х годов развивал Н. Г. Чернышевскій в своей статьѣ о „муживовствующем нессимизмѣ," помѣщенной в „Сѣверном Вѣстникѣ" старой редакціи,* т. е, что мужик из такого же тѣста создан, как и мы всѣ, грѣшные, что и он, как человѣк, ищет, гдѣ лучше, и готов идти за тѣми, которые ему это покажут не за горами — за долами, а в доступной для него близи. Тогда у него явится и вѣра в это лучшее, и силы для борьбы за него.

Приводим нѣсколько выписок из статьи Е. Лазарева о „Земледѣльческом Конгрессѣ в Бельгіи," имѣвшем мѣсто в этом году, подтверждающих только что сказанное. **

Один из членов конгресса Гамбюрсен полагает, что „многія неудачи пропагандистов явились простым результатом их незнанія крестьянской жизни. Он знает много случаев, когда, вслѣдствіе тѣх же причин, вопрос

* Статьи Чернышевского подписаны псевдонимом Андреева.

** См. „Накануѣ." Соціально-революціонное обозрѣніе. 1900, № 12, стр. 146—150.

простого крестьянина ставил втупик очень ученых пропагандистов. Нечего закрывать глаза, продолжал оратор, крестьянин готов слушать нас и слѣдовать за нами — только в том случаѣ, если мы сумѣем разсѣять всѣ его, сомнѣнія, если он ясно поймет наши предложенія и найдет их практичными и приѣмлемыми; он готов на всякую реформу, если видит, что она ведет к благу сельскаго населенія и к поднятію земледѣлія. Без основательнаго знакомства с наличными интересами пропагандист будет стрѣлять в пустое пространство, вращаясь по необходимости в области теоретических вопросов. Чтобы лучше помочь дѣлу, делегат предлагает устроить как можно больше „школ взаимнаго обученія ораторов пропагандистов“ для сельскаго населенія, при участіи и под руководством опытных теоретиков и практиков аграрнаго соціализма“.

Другой оратор, Тердер, констатирует, что „всякій раз когда мы являемся в деревню для пропаганды, — газету берут на расхват, так как крестьяне убѣдились, что там даются вѣрныя и полезныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству и вслѣдствіе этого они довѣрчиво относятся и ко всему, что говорится в газетѣ о политикѣ и других общественных вопросах. . . .“

Трокле отмѣчает необыкновенный рост самосознанія среди сельскаго населенія и считает для партіи необходимым выдвигать всюду крестьянскіе интересы“.

Наконец, Дебарси, докладчик Конгресса, так формулирует свое отношеніе к крестьянскому вопросу: „мелкая культура безнадежно осуждена, как отсталая, и не имѣет будущаго. Это нужно вписать неизгладимыми буквами в нашу программу. Но раз говорят о борьбѣ классов в деревнѣ, не слѣдует упускать из виду, что в Бельгіи мы имѣем всего только 187,000 наемных сельских рабочих,— в том числѣ 54,000 женщин, т. е. 15,5 процента всего сельскаго населенія; тогда как, рядом, мы имѣем 644,000 мелких крестьян, обрабатывающих от 2 и менѣе гектаров. Развѣ это не тот же, но лишь своеобразный пролетаріат! Их спасеніе в коопераціи, в коллективизмѣ.

Пропагандисты не должны забывать это положеніе, когда им приходится излагать соціалистическія требованія перед сельским населеніем. Еще раз настаиваю: пропагандисты должны основательно ознакомиться с аграрным вопросом."

Аграрный соціализм в Бельгіи уже заражает своим успѣхом соціалистическія партія других европейских стран; и мы присутствуем теперь при зарожденіи в Европѣ теченія, которое с полным правом можно назвать н а р о д н и ч е с к и м, которое в основу своей классовой борьбы положит, как и русское народничество, противоположность между интересами в с ѣ х трудящихся и интересами всѣх эксплуататоров, но которое в тоже время одинаково будет далеко как от смиренномудрія наших легальных народников, так и от фантастической переоцѣнки народа, характеризовавшей наших революціонных народников, семидесятых годов.

Как бы, однако, не обстояло дѣло в Европѣ, одно несомнѣнно, что у нас в Россіи, гдѣ городской пролетаріат составляет теперь незначительный процент всего населенія, марксистский тезис о пролетаріатѣ, как о „подавляющем большинствѣ общества" является прямо таки иллюзорным, и руководствоваться им при опредѣленіи соціально-революціонной тактики — значит с самаго начала отказаться от какого бы то ни было серьезнаго вліянія на ход русской дѣйствительности.

Тѣм не менѣе, прелести работы „по линіи наименьшаго сопротивленія" еще долго будут носиться перед глазами наших марксистов и заставлять их всѣми правдами и неправдами отстаивать „точку зрѣнія пролетаріата". На нашей обязанности будет поэтому лежать — путем критики основных положеній марксизма, служащих опорою для этой точки зрѣнія, путем теоретическаго обоснованія аграрнаго соціализма и проктической работы в деревнѣ заставить русскую соціальдемократію, по крайней мѣрѣ, нейтрально относиться к нашим попыткам „заразить" и городской пролетаріат „народническим духом," доказать ему все его безсиліе окончательно

разсчитаться с врагом без помощи широких масс деревенских работников и повлечь тѣ его элементы, которые все равно должны пойти в деревню, на работу в духѣ аграрно-соціалистической программы.

В заключеніи еще пару слов про себя.

Выходя из того положенія, что дѣйствительность необходимо взять неприкрашенной, что „ ход вещей “ лучше недооцѣнить, чѣм переоцѣнить, чтобы имѣть право ожидать от исторіи пріятных сюрпризов и быть гарантированным от непріятных, я в своей брошюрѣ „ Соціализм и борьба за политическую свободу “ говорил о „стачкизмѣ“ как о „финалѣ программы русской соціальдемократіи.“ Редакція „Рабочаго Дѣла,“ в лицѣ г. К. Б., обрушила на меня громы и молніи за эти мои продерзкія слова, как будто ничего подобнаго тому, в чем я упрекал ее, никогда с русской соціальдемократіей и не бывало. Я скоро утѣшился от всесокрушающих нападок г. Б. К., ибо исторія побаловала меня сюрпризом: то, что я принял за финал всей программы соціальдемократіи, было только финалом в высшей степени печальнаго перваго акта ея программнаго развитія. . . .

Осмѣливаюсь теперь увѣрить товарищей-соціальдемократов: ничто так не обрадует меня, как если и мое настоящее увѣреніе об „ естественных границах “ соціальдемократіи окажется вѣрным лишь по отношенію ко второму акту ея програмнаго развитія. Пусть тогда громы, которыми, быть может, удостоит меня редакція „Рабочаго Дѣла,“ будут еще болѣе незаслужены, чѣм в первый раз, я приму их с тѣм большим удовольствіем, чѣм искреннѣе и рѣшительнѣе соціальдемократія перешагнет ту пограничную черту, которая, боюсь, еще долго будет служить причиной раз-единенія наших соціально-революціонных сил.

С. Григорович.

Издавая брошюру „Наши Задачи,“ вышедшую впервые в 1898-м году затѣм, вторым изданіем с послѣсловіем С. Григоровича « Соціальдемократы и Соціалисты - Революціонеры » в 1900 г. и не потерявшей своего значенія до сего времени, мы в настоящей брошюрѣ считаем нужным помѣстить „Проэкт Программы“ выработанный редакціей « Революціонной Россіи » в 1904-м г. (Р. Р. № 46-й), а также и „Насущные Вопросы Современной Революціонной Стратегіи » — Партіи Соціалистов - Революціонеров. (Р. Р. № 50-й).

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ

ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВ—РЕВОЛЮЦІОНЕРОВ

ВЫРАБОТАННЫЙ РЕДАКЦІЕЙ «РЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССІИ»

Современная Россія в культурном и соціальном отношеніи входит во все болѣе и болѣе тѣсную связь с передовыми странами цивилизованнаго міра, сохраняя при этом, однако, ряд особенностей, обусловленных своеобразіем ея предидущей исторіи, ея мѣстных условій и международнаго положенія.

Во всѣх передовых странах цивилизованнаго міра, параллельно с ростом населенія и его потребностей, идет рост власти человѣка над природой, усовершенствованіе способов управленія ея естественными силами и увеличеніе творческой силы человѣческаго труда во всѣх областях его приложенія. Рост этот является необходимым условіем соціальнаго прогресса и борьбы за всестороннее и гармоническое развитіе человѣческой индивидуальности.

Но этот рост власти человѣка над природой происходит в современном обществѣ при условіях буржуазной конкурренціи разрозненных хозяйственных единиц, частной собственности на средства производства, превращенія их в капитал,

предварительной экспропріаціи непосредственных производителей или косвеннаго подчиненія их капиталу. По мѣрѣ развитія этих основ современнаго общества, оно все рѣзче распадается на классъ эксплуатируемых тружеников, получающих все меньшую и меньшую долю созидаемых их трудом благ, и классы эксплуататоров, монополизирующих владѣніе естественными силами природы и общественными средствами производства.

Поскольку в тѣсных рамках буржуазно-капиталистических отношеній развиваются, хотя односторонне и неполно, формы коллективнаго труда и производство в крупных, общественных размѣрах — постольку современное хозяйственное развитіе обнаруживает свои положительныя, творческія стороны, подготовляя нѣкоторые матеріальные элементы для высшаго, соціалистическаго строя жизни и об-единяя в компактную соціальную силу промышленныя арміи наемных рабочих.

Поскольку же буржуазно-капиталистическія формы суживают, ограничивают и извращают развитіе коллективных форм труда и общественных производительных сил, постольку, современное хозяйственное развитіе обнаруживает свои отрицательныя, разрушительныя стороны: анархію товарнаго производства и конкурренціи; безплодное расточеніе в ней хозяйственных сил; кризисы, потрясающіе народное хозяйство в самых его основаніях; рост эксплуатаціи, зависимости и необезпеченности

рабочих масс, разлагающую всѣ моральные устои власть денег, своекорыстную борьбу всѣх против всѣх за существованіе и привиллегированное положеніе. Взаимное отношеніе между этими положительными и отрицательными сторонами современнаго хозяйственнаго развитія различно, как для различных отраслей производства, так и для различных стран. Сравнительно благопріятное в высших отраслях индустріи и странах классическаго капитализма, оно становится все менѣе и менѣе благопріятным в других отраслях промышленности, в особенности же в земледѣліи, и в цѣлых странах, менѣе благопріятно поставленных в международной экономической борьбѣ.

Но, независимо от этих различій, несоотвѣтствіе и противорѣчіе между положительными и отрицательными сторонами современнаго хозяйственнаго развитія представляют собой общій и нарастающій факт, чреватый огромными историческими послѣдствіями.

С ростом соціальнаго разстоянія между эксплуататорами и эксплуатируемыми, с ростом противорѣчія между производительностью труда и ничтожною долею в продуктѣ самих трудящихся, с ростом нормы их эксплуатаціи, растет их недовольство своим положеніем в современном обществѣ.

На почвѣ стихійнаго процесса обострения классовых отношеній все болѣе и болѣе развивается сознательное и планомѣрное вмѣшательство в ход событій организованных коллективных сил, во

имя того или другого общественнаго идеала, конечной цѣли, с систематически выработанной тактикой. Их цѣлесообразно направляемая борьба охватывает одновременно всѣ стороны жизни общества — экономическую, политическую и духовную.

Классы эксплуататоров стремятся увѣковѣчить основу своего существованія — эксплуатацію путем ренты, прибыли на капитал во всѣх его формах и податного отягощенія трудовой массы. Посредством синдикатов, картелей и трестов они стремятся овладѣть, в своих эгоистических видах, условіями производства и сбыта. Они стремятся приспособить к своим классовым интересам всѣ учрежденія современнаго государства и превратить его всецѣло в орудіе своего господства и порабощенія эксплуатируемых. Наконец, они стремятся подчинить себѣ духовно и матеріально литературу, искусство, науку, ораторскую трибуну, чтобы держать трудящіяся массы не только в экономическом, но и в умственном рабствѣ.

Не обладая иными рессурсами или исчерпав их в борьбѣ, они прибѣгают к союзам с реакціонными силами отживающаго прошлаго, воскрешая рассовую и религіозную вражду, отравляя народное сознаніе шовинизмом и націонализмом, входя в компромиссы с остатками монархических, старо-дворянских и церковно-клерикальных установленій. Изживая все свое былое прогрессивное содержаніе, буржуазный строй приводит

к интеллектуальному вырожденію господствующих в нем классов, все сильнѣе отталкивая от себя умственный и моральный цвѣт націи и заставляя его тяготѣть к враждебному буржуазій лагерю угнетенных и эксплуатируемых.

Классы эксплуатируемых естественно стремятся защищаться от тяготѣвшаго над ними гнета и, по мѣрѣ роста своей сознательности, все болѣе об-единяют эту борьбу и направляют ее против самых основ буржуазной эксплуатаціи. Международное, по своему существу, движеніе это все болѣе и болѣе опредѣляется, как движеніе огромнаго трудящагося большинства, в интересах огромнаго большинства и в этом залог его побѣды.

Сознательным выраженіем, научным освѣщеніем и обобщеніем этого движенія является международный соціализм. Ставя своей задачей умственную, политическую и экономическую эмансипацію рабочаго класса, он выступает прежде всего, как инціативное революціонное меньшинство, как боевой авангард трудящихся масс, в то же время постоянно стремясь слиться с этими массами и охватить их всецѣло в своих рядах. Его основная практическая задача сводится к тому, чтобы всѣ слои трудового и эксплуатируемаго населенія сознали себя единым рабочим классом, видѣли в своем классовом единствѣ залог своего освобожденія и путем планомѣрной, организованной борьбы совершили соціально-революціонный переворот, программой котораго является:

1) Освобожденіе всѣх общественных учрежде-

ній из под власти эксплуатирующих классов.

2) Уничтоженіе, вмѣстѣ с частной собственностью на естественныя силы природы и общественныя средства производства, самаго дѣленія общества на классы.

3) Уничтоженіе современнаго, классового, принудительно-репрессивнаго характера общественных учрежденій, при сохраненіи и развитіи их нормальных культурных функцій, — т. е. планомѣрной организаціи всеобщаго труда на всеобщую пользу.

Только осуществленіе этой программы даст возможность непрерывнаго, свободнаго и безпрепятственнаго развитія всѣх духовных и матеріальных сил человѣчества.

Только оно превратит рост общественнаго богатства из источника зависимости и угнетенія рабочаго класса в источник его благосостоянія и всесторонняго, гармоническаго развитія человѣческой личности.

Только оно прекратит вырожденіе человѣчества с одной стороны — от праздности и пресыщенности, с другой — от чрезмѣрнаго труда и полуголоднаго существованія.

Только при осуществленіи свободнаго соціалистическаго общежитія человѣчество будет безпрепятственно развиваться в физическом, умственном и нравственном отношеніи, все полнѣе воплощая истину—справедливость и солидарность в формы своей общественной жизни. И в этом смыслѣ дѣло революціоннаго соціализма есть дѣло

освобожденія всего человѣчества. Оно ведет к устраненію всѣх форм насилія и эксплуатаціи человѣка человѣком, к свободѣ, равенству и братству всѣх без различія пола, расс, религіи и національности.

Партія соціалистов-революціонеров в Россіи разсматривает свое дѣло, как органическую составную часть всемірной борьбы труда против эксплуатаціи человѣческой личности, против стѣснительных для ея развитія общественных форм, и ведет его в духѣ общих интересов этой борьбы, и формах соотвѣтствующих конкретным условіям русской дѣйствительности.

Взаимоприспособленіе форм патріархальнаго дворянско-чиновничьяго самодержавія и новѣйшей буржуазной эксплуатаціи обостряет постановку соціальнаго вопроса в Россіи.

Развитіе капитализма обнаруживает в ней болѣе, чѣм гдѣ-либо, свои темныя стороны, менѣе, чѣм гдѣ-либо, уравновѣшиваясь творческим, организующим вліяніем роста общественных производительных сил.

Колоссально развившійся механизм бюрократическаго государства, в связи с условіями освобожденія крестьян и развитіем кулачества во всѣх его формах и видах, все болѣе и болѣе парализует производительныя силы деревни. Трудовое крестьянство вынуждается в растущей мѣрѣ прибѣгать к подсобным промыслам и труду по найму, получая от всѣх видов своего заработка доход, едва соотвѣтствующій нищенской заработ-

ной платѣ пролетарія. Тѣм самым сокращается и подрывается внутренній рынок промышленности, страдающей от недостатка внѣшних рынков. Прогрессивно возрастает избыточное населеніе и капиталистически-излишняя резервная рабочая армія, понижающая своей конкурренціей уровень жизни городского пролетаріата. Рабочее движеніе вынуждено развиваться в условіях самодержавнаго режима, основаннаго на всеохватывающей полицейской опекѣ и подавленіи личной и общественной иниціативы. Болѣе реакціонный, чѣм гдѣ либо, класс крупных промышленников и торговцев все сильнѣе нуждается в покровительствѣ самодержавія против пролетаріата. Помѣстное дворянство и деревенское кулачество все сильнѣе нуждаются в такой же поддержкѣ против трудовых масс деревни. В интересах самозащиты самодержавіе прибѣгает к усиленному угнетенію покоренных императорской Россіей національностей, парализуя их духовное возрожденіе и общественное развитіе, насаждая національный рассовый и религіозный антагонизм и затемняя им рост сознанія соціально-политических интересов рабочих масс.

Существованіе самодержавія становится в непримиримое и прогрессивно обостряющееся противорѣчіе со всѣм хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом страны. Являясь надежным союзником и опорой наиболѣе эксплуатирующих и паразитических классов внутри Россіи, русское самодержавіе становится и

за ея предѣлами одним из главных оплотов реакціи и сильнѣйшей угрозой дѣлу освободительной борьбы рабочих партій других стран. Его низверженіе является не только ближайшей и неотложной задачей соціально-революціонной партіи, как первое необходимое условіе для разрѣшенія соціальнаго вопроса в Россіи, но и крайне важным фактором международнаго прогресса.

Вся тяжесть борьбы с самодержавіем, несмотря на наличность либерально-демократической оппозиціи, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношеніи элементы «образованнаго общества», падает на пролетаріат, трудовое крестьянство и революціонно-соціалистическую интеллигенцію. Необходимой задачей соціалистической партіи, к которой переходит руководящая роль в этой борьбѣ, является, вслѣдствіе этого расширеніе и углубленіе в революціонный момент тѣх соціальных, имущественных перемѣн, с которыми должно быть связано низверженіе самодержавія.

Осуществленіе полностью ея программы, т. е. экспропріація капиталистической собственности и реорганизація производства и всего общественнаго строя на соціалистических началах, предполагает полную побѣду рабочаго класса, организованнаго в соціально-революціонную партію, и, в случаѣ надобности, установленіе его временной революціонной диктатуры.

До тѣх же пор, пока, в качествѣ революціоннаго меньшинства, организованный рабочій класс

сможет оказывать лишь частичное вліяніе на измѣненіе общественнаго строя и ход законодательства,— Партія соціалистов-революціонеров будет стремиться к тому, чтобы политика частичных завоеваній не заслоняла от рабочаго класса его конечной, основной цѣли; чтобы своей революціонной борьбой он добивался и в этот період лишь таких перемѣн, которыя будут развивать и усиливать его сплоченность и способность к освободительной борьбѣ, способствуя повышенію уровня его интеллектуальнаго развитія и культурных потребностей, укрѣпляя его боевыя позиціи и устраняя препятствія, стоящія на пути к его организаціи.

Поскольку процесс преобразованія Россіи будет идти под руководством не-соціалистическихъ сил, Партія соціалистов-революціонеров, исходя из развитых выше соображеній, будет отстаивать, поддерживать или вырывать своей революціонной борьбой слѣдующія реформы:

А, В политической и правовой области.

1) Установленіе демократической республики, с широкой автономіей областей и общин, как городских, так и сельских.

2) Возможно болѣе широкое примѣненіе федеративнаго начала к отношеніям между отдѣльными національностями. Признаніе за ними безусловнаго права на самоопредѣленіе

3) Прямое, тайное, равное, всеобщее право голосованіе для всякаго гражданина не моложе 20 лѣт, — без различія пола, религіи и націо-

нальности.

4) Пропорціональное представительство.

5) Прямое народное законодательство (референдум и инициатива).

6) Выборность, смѣняемость во всякое время и подсудность всѣх должностных лиц.

7) Полная свобода совѣсти, слова, печати, собраній, рабочих стачек и союзов.

8) Полное и всеобщее гражданское равноправіе.

9) Неприкосновенность личности и жилища.

10) Полное отдѣленіе церкви от государства и об-явленіе религіи частным дѣлом каждаго.

11) Установленіе обязательнаго, равнаго для всѣх общаго свѣтскаго образованія на государственный счет.

12) Равноправіе языковъ.

13) Безплатность судопроизводства.

14) Уничтоженіе постоянной арміи и замѣна ея народным ополченіем.

Б. В народно-хозяйственной области:

1. В вопросах рабочаго законодательства Партія соціалистов-революціонеров ставит своею цѣлью охрану духовных и физических сил рабочаго класса и увеличеніе его способности к дальнѣйшей освободительной борьбѣ, общим интересам которой должны быть подчинены всѣ узко-практическіе, непосредственные мѣстные и профессіональные интересы отдѣльных рабочих слоев. В этих видах Партія будет отстаивать:

Возможно большее сокращеніе рабочаго време-

ни в предѣлах прибавочнаго труда.

Установленіе законодательнаго максимума рабочаго времени сообразно нормам, указываемым научной гигіеной (въ ближайшее время — 8-ми часовая норма для большинства отраслей производства и соотвѣтственно меньшая в болѣе опасных и вредных для здоровья).

Установленіе минимальныхъ заработныхъ плат по соглашенію между органами самоуправленія и профессіональными союзами рабочих.

Государственное страхованіе во всѣх его видах, (от несчастных случаев, от безработицы, на случай болѣзней, старости и т. д.) на счет государства и хозяев и на началах самоуправленія страхуемых.

Законодательная охрана труда во всѣх отраслях производства и торговли, сообразно требованіям научной гигіены, под наблюденіем фабричной инспекціи, избираемой рабочими (нормальная обстановка труда, гигіеничность устройства помѣщеній, запрещеніе работы малолѣтних до 16-ти лѣт, ограниченіе работы несовершеннолѣтних, запрещеніе женскаго и дѣтскаго труда в извѣстных отраслях производства и в извѣстные періоды, достаточный, непрерывный еженедѣльный отдых и т. д.); профессіональная организація рабочих и их прогрессивно расширяющееся участіе в установленіи внутренняго распорядка в промышленных заведеніях.

2. В вопросах аграрной политики и поземельных отношеній Партія соціалистов-рево-

люціонеров ставит себѣ цѣлью использовать, в интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ, какъ общинныя, так и вообще трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства, и в особенности взгляд на землю, как на общее достояніе всѣх трудящихся. В этих видах Партія будет стоять за соціализацію всѣх частно-владѣльческихъ земель, т. е. за из-ятіе их из частной собственности отдѣльных лиц и переход в общественное владѣніе и в распоряженіе демократически организованных общин и территоріальных союзов, общин на началах уравнительнаго пользованія.

В случаѣ, если это главное и основное требованіе аграрной программы-минимум не будет осуществлено сразу, в качествѣ революціонной мѣры, Партія соціалистов-революціонеров в дальнѣйшей аграрной политикѣ будет руководиться соображеніями о возможном приближеніи к осуществленію этого требованія во всей его полнотѣ, выступая за возможныя переходныя к нему мѣры, как напримѣр:

Расширеніе прав общин и территоріальных их союзов по экспропріаціи частновладѣльческих земель.

Конфискація земель: монастырских, удѣльных, кабинетских и т. п., и обращеніе их, равно как и государственных имуществ, на то же дѣло обезпеченія общин достаточным количеством земли, а также на нужды разселенія и переселенія.

Ограниченіе платы за пользованіе землею размѣрами чистаго дохода хозяйства (за вычетом из

валового дохода издержек производства и нормальнаго вознагражденія за трудъ).

Вознагражденіе за произведенныя улучшенія в землѣ при переходѣ пользованія ею от одного лица к другому.

Обращеніе ренты путем спеціальнаго налога в доходную статью общин и органов самоуправленія.

3. В вопросах финансовой политики Партія будет агитировать за введеніе прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства, при совершенном освобожденіи от налога мелких доходов ниже извѣстной нормы, за уничтоженіе косвенных налогов (исключая обложенія предметов роскоши), покровительственных пошлин и всѣх вообще налогов, падающих на трудъ.

4) В вопросах муниципальнаго и земскаго хозяйства Партія будет стоять за развитіе всякаго рода общественных служб (безплатная врачебная помощь, земско-аграномическая организація, каммунализація водоснабженія, освѣщенія, путей и средств сообщенія и т. п.).

За представленіе городским и сельским общинам самых широких прав по обложенію недвижимых имуществ и по принудительному отчужденію их, особенно в интересах удовлетворенія жилищной нужды рабочаго населенія.

За коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благопріятствующую развитію кооперацій на строго демократических началах.

5) Что же касается до различія мѣропріятій, имѣющих цѣлью націонализацію еще в предѣлах буржуазнаго государства тѣх или иных отраслей

народнаго хозяйства, то Партія соціалистов-революціонеров сможет пойти им навстрѣчу лишь тогда и лишь постолку, поскольку демократизація политическаго строя и соотношеніе общественных сил, равно как и самый характер соотвѣтствующих мѣропріятій, будет давать достаточно гарантій против увеличенія такимъ путем зависимости рабочаго класса от правящей бюрократіи. Вообще же Партія соціалистов-революціонеров предостерегает рабочій класс против того «государственнаго соціализма», который является отчасти системой полумѣр для усыпленія рабочаго класса, отчасти же — своеобразным государственным капитализмом, сосредоточивая различныя отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократіи, ради ея фискальных и политических цѣлей.

Партія соціалистов-революціонеров, начиная непосредственную революціонную борьбу с самодержавіем, агитирует за созыв Земскаго Собора (Учредительнаго Собранія), свободно избраннаго всѣм народом без различія пола, сословій, національности и религіи, для ликвидаціи самодержавнаго режима и переустройства всѣх современных порядков. Свою программу этаго переустройства она будет, как отстаивать в Учредительном Собраніи, так и стремиться непосредственно проводить в революціонный період.

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕВОЛЮЦІОННОЙ СТРАТЕГІИ.

„Способъ борьбы 1848 г. нынѣ
во всѣхъ отношеніяхъ устарѣлъ."
Фр. Энгельсъ.

Баррикады устарѣли.... баррикадная борьба народа с войсками теперь немыслима... На широкихъ и прямыхъ улицах современных городов каждая баррикада может быть издали снесена одним пушечным выстрѣлом... Народу теперь гораздо труднѣе вооружиться, а правительство сильнѣе, чѣм когда либо: чудеса военной техники дѣлают стальное чудовище милитаризма непобѣдимым в открытой борьбѣ... Звать народ к уличному возстанію, вести его против войск — чистѣйшее безуміе и революціонный авантюризм...

Эти и подобные разговоры теперь постоянно на устах современных революціонеров, особенно у современных марксистов, опирающихся при этих разговорах вѣчно на один и тот же авторитет — Энгельса. Считая его аргументацію непоколебимой, они естественно переходят к идеѣ о «революціи со скрещеннымн на груди руками», к преувеличенію шансов мирной, «невооруженной революціи», к переоцѣнкѣ законности и парламентаризма — к той переоцѣнкѣ, которую, в ея крайних формах, Маркс уже чрезвычайно давно окрестил «парламентским кретинизмом» — или, наконец, к убѣжденію в том, что революція разыграется «сама собою», «стихійно», так что думать о техникѣ непосредственно-революціонной борьбы, обсуждать стратегически средства, орудія и пріемы возможных революціонных битв особенно не приходится. На этой почвѣ развивается своеобразная психологія: революція в смыслѣ

рѣшительнаго столкновенія, когда в ход пускаются всѣ рессурсы и силы, вплоть до физической, вооруженной мощи — эта революція кажется многим современным соціалистам «прыжком в неизвѣстное» — в совершенно темное, загадочное неизвѣстное гдѣ они будут «без кормила и весла». Польскій соціалист Люсня охарактеризовал это своеобразное настроеніе, как «страх перед революціей и стремленіе не думать и не говорить об ней», откуда и вытекает, с другой стороны, стремленіе «увѣрить себя и других в том, что революція может и должна быть безоружной». Поддаваться и впредь этому настроенію значило бы, по мнѣнію другого автора, Парвуса, «играть в прятки» и «вести партію с завязанными глазами к краю пропасти».

Именно «с завязанными глазами» предпочитают идти к революціонному финалу и русскіе соціальдемократы. Уж сколько раз жизнь ставила перед ними ребром вопрос о формах и методах непосредственнаго революціоннаго нападенія на современный режим или хотя бы отпора, защиты от его прямых насильственных нападеній, от его полицейскаго и военнаго террора. — и ни разу не смогли они на эти «проклятые вопросы дать отвѣты нам прямые». Самое придирчивое и ожесточенное критиканство по отношенію к предлагаемым нами, соціалистами-революціонерами, методам борьбы, — и полная, абсолютная собственная неспособность к положительному творчеству в этой области; вот «роковой итог» всѣх их попыток в этом направленіи. Был, правда, еще недавно момент, когда, казалось, готовился произойти крутой перелом. Это было то время знаменитых всеобщих стачек на югѣ и юго-западѣ Россіи.

«Теперь сама жизнь заставляет думать о путях и способах революціи» — писала «Искра» в № 53, т. е. вскорѣ послѣ этих неожиданных, но поучительных событій. Золотыя слова... но увы, они остаются только словами и мало отражаются на дѣлѣ. Прошел момент, остыла кровь, и думы «о путях и средствах» улетучились. Куда онѣ прошли?..

Очевидно исчезли навсегда, чтобы болѣе не смущать вновь успокоившихся в мирѣ и предавшихся болѣе „современным„ дѣлам стратегов «центральнаго органа российской социальдемократической партіи». И даже самоновѣйшій кризис русской жизни, чреватый самыми глубокими революціонными вспышками и потрясеніями, — кризис, вызванный войной с Японіей, — неспособен, повидимому, пробудить стратегов русской социальдемократіи от их равнодушія к этому вопросу. Они не тѣм заняты. У них слишком много накопилось счетов друг с другом, у большинства с меньшинством, у Гусева с Дейчем, у Ленина с Мартовым, у Лядова с Плехановым и т. д.; и т. д.

Им некогда, и пролетаріат, во имя котораго они сводят всѣ свои счеты, напрасно будет их вопрошать на счет «путей и способов революціи».

Что наша русская революція не за горами, что открытое массовое движеніе м о ж е т разразиться гораздо скорѣе, чѣм это многіе думают, под вліяніем чрезвычайных событій и безмѣрнаго горя, разливающихся теперь по всему лицу земли русской с быстротою огромнаго потока, — об этом з н а ю т публицисты нашего социальдемократическаго органа, об этом они пишут нарядныя статьи почти в каждом номерѣ своей газеты. Но о «путях и способах» приближающагося народнаго революціоннаго взрыва нельзя найти у них ни одной строки, ни одного словечка, — полнѣйшій мютизм, — словно в рот воды набрали, или словно признали, что уже «свершили в предѣлѣ земном все земное», согласившись, что «сама жизнь заставляет думать» и т. д. Признаніе это вырвалось у них, правда в № 53, а теперь, — напримѣр, в № 63, в статьѣ «Грядущій кризис», — у них вырываются признанія, звучащія уже нѣсколько иначе.

Не додумавшись, очевидно, до какого либо положительнаго результата, революціонные стратеги «Искры» рѣшили, по примѣру иных из их нѣмецких товарищей, тоже «играть в прятки» и повести русскій пролетаріат с зажмуренными глазамм на завоеваніе неприступных высот русскаго абсолютизма. А именно, в № 63 мы читаем

уже, что «в какую форму выльется стихійный взрыв — почти (!) не зависит от нас. . . Все что мы — по состоянію наших сил — можем сдѣлать в этом направленіи, это употребить всѣ усилія, чтобы раз-яснить рабочему классу невозможность разсчитывать в эпоху кризиса на стачку, как на орудіе завоеванія непосредственных матеріальных выгод, с одной стороны, и указать на опасность изолированных, малолюдных, не руководимых ясно сознанной цѣлью насильственных взрывов, с другой». И только. Форма революціоннаго взрыва будет-де почти стихійной, «и с этой стихійной формой нам придется считаться, к а к с д а н н о ю» . . .

Что же, таким образом, предлагается здѣсь, как не полное отрицаніе всякой цѣлесообразной, заранѣе выработанной популяризованной революціонной стратегіи, как не возведеніе стихійности в революціонной борьбѣ в верховный руководящій принцип, его же не прейдеши?

Что стихійный элемент в революціях играет громадную роль — это несомнѣнно; но кому и какую именно службу он сослужит — вот вопрос, благопріятное разрѣшеніе котораго для революціи может быть достигнуто не ссылкой на стихійность, а организованным использованіем всѣх тѣх стихійных элементов движенія, которые могут быть предвидены. Возьмем примѣр из живой современности. Вслѣдствіе войны с Японіей в настоящее время возник цѣлый ряд патологических измѣненій в народной жизни, грозящих серьезными вспышками. В деревнях стоит стон и плач. Усиленный, удвоенный рекрутскій набор, призыв запасных и резервистов наносит тяжкіе удары крестьянству. Начинаются случаи вспышек, открытаго неповиновенія. Проводы забранных в солдаты вызывают скопленія возбужденной толпы в городах; непопулярность войны и неудачи в ней подливают масло в огонь. С другой стороны, сокращеніе торговли и производства, обостреніе кризиса и застоя в дѣлах по случаю войны ведет за собою безработицу, скопленія впроголодь живущаго или прямо голодающаго рабочаго люда, которому положеніе его дѣлается несносным, нестерпимым.

Но кризис и безработица не раз в исторіи западно-европейских государств приводили к выступленію на улицах толпищ безработных, с рѣшительным требованіем — «жить, работая, или умереть, сражаясь!» Вот — два стихійных элемента, представляющих угрозу современному режиму Россіи. Но что же? Развѣ ссылка на них устраняет вопрос о «путях и средствах революціи»? Напротив — наличность их только обостряет постановку даннаго вопроса. Манифестаціи безработных, естественное стремленіе их з а с т а в и т ь прекратить работы повсюду; отказ поставлять рекрутов и попытки массового освобожденія забранных — вот что может послужить хорошим поводом, средством для мобилизаціи недовольных, протестующих, готовых к борьбѣ, часто просто доведенных до отчаянія элементов. Мы можем дать сигнал к этой мобилизаціи, и можем помѣститься в «хатѣ с краю»; можем дѣйствовать и можем выжидать, отводя себѣ старое, традиціонное, славное мѣсто — опять «в хвостѣ движенія». Но если эта послѣдняя перспектива нам не улыбается, если мы готовы дѣйствовать, то как можем мы дать сигнал к мобилизаціи недовольных сил, хотя бы путем манифестаціи безработных и сопротивленій властям при наборѣ рекрутов и призывѣ запасных, если для нас не рѣшен вопрос — а что же дальше? Какова будет позиція, какова будет тактика наших соціально-революціонных элементов, в рядах волнующейся, стихійно-возбужденной толпы? Будем ли мы просто «плыть по теченію», будем ли уповать на то, что нас выручит мгновенное наитіе в разгарѣ любого критическаго событія — или мы, как партія, попытаемся сдѣлать движеніе планомѣрным, т. е. сдѣлать заранѣе учет своим рессурсам, разсчитав заранѣе возможное соотношеніе сознательных, полусознательных и бессознательных элементов движенія, распредѣлим свои силы опредѣленным образом, дадим им строго конкретное, боевое назначеніе, — и смѣло ринемся, как инціативная революціонная сила, в поток событій?

Вот вопрос, котораго не разрѣшить общими фразами о том, что наша роль заключается вообще во «внесеніи

сознанія» и «организованности» в стихійное движеніе. Здѣсь уже идет рѣчь не только о «сознательности вообще»; здѣсь рѣчь идет о спеціальном видѣ б о е в о й организованности, революціонно-стратегической подготовленности. То общее «политическое воспитаніе» авангарда рабочаго класса, на которое так напирает «Искра», считая его особенно важным в «тѣ немногіе дни, которые еще отдѣляют нас от открытаго проявленія пролетарскаго протеста», не может и не должно исчерпывать собою всей нашей задачи «наканунѣ революціи». Необходимо, неотложно необходимо становится здѣсь спеціальное с т р а т е г и ч е с к о е в о с п и т а н і е этого авангарда, т. е. подготовленіе его к умѣлому и находчивому боевому руководительству народными массами в момент их революціоннаго возстанія. В такіе критическіе моменты под непосредственной угрозой массовых арестов и разстрѣлов, немножко неумѣстно отлагать до каждаго конкретнаго случая задачу обдумывать и рѣшать великій вопрос: ч т о д ѣ л а т ь ? в такіе моменты поздно уже тѣм или иным представителям народнаго авангарда бѣгать в комитеты за все новым рѣшеніем и перерѣшеніем этого вопроса. Революція это час дѣйствія, а не размышленія, это момент быстрых — да, возможно болѣе быстрых и рѣшительных ударов могучему противнику, — ударов п о в с е й л и н і и, мѣтких, смѣлых, неожиданных. В революціи побѣждает масса, но масса, имѣющая многочисленные, сознательные, опытные, подготовленные передовые боевые кадры. Научить, вразумить активнѣйшіе элементы массы, какіе методы, пріемы и средства революціи устарѣли и какіе должны заступить их мѣсто; вывести их из современнаго безнадежнаго состоянія стратегической, так сказать, невинности и наивности, которая одних может привести к дѣтской самонадѣянности и революціонному легкомыслію, других — к столь же необоснованному стратегически-дряблому пессимизму; наконец, внушить им всю рѣшающую, грандіозно-трагическую важность приближающейся революціонной схватки с современным милитаристическим чудови-

щем, — значит наполовину уже обезпечить благопріятный исход ея для народа.

Было бы, конечно, очень плохо, если бы рабочій народ в эпоху взрыва слѣпо и без всяких разсужденій ухватился за какіе нибудь устарѣлые методы борьбы, только потому, что они освящены исторической традиціей. Мы знаем, что в зависимости от вооруженія, состава, количества и качества войск мѣняются и способы наступленія, употребленіе сомкнутаго и разсыпаннаго строя, темп и характер нападенія и защиты, укрѣпленія позиціи и штурма. Революція есть та же война — только гражданская война — и с этой точки зрѣнія она есть не только обще-соціологическая, но и спеціально-техническая задача.

И если, опираясь на Энгельса, критикуют, как устарѣлые, революціонные методы 48-го года и, на первом планѣ, баррикадную борьбу, — то против этого ничего нельзя имѣть, если только эта критика не ограничивается отрицательной работой, а чревата чѣм нибудь положительным. Развѣ »методы 48 года» суть единственно мыслимые методы революціонной борьбы? Развѣ постройка баррикад — единственно возможная, универсальная форма народнаго возстанія? И мы вовсе не предлагаем слѣпо, некритически копировать наших революціонных предшественников. Но значит ли это, что всѣ пріемы революціонной борьбы стараго времени не годятся? Значит ли это, что, в иной комбинаціи, соотвѣтственно видоизмѣненные и дополненные, они не могут сыграть роли в тѣх революціонных битвах, которыя принесет нам грядущее? Значит ли это, что слѣдует отвергнуть их цѣликом и огульно, как непріемлемые для пролетаріата, «буржуазные методы революціи»?

Конечно, нисколько не значит. Но в том то и дѣло, что в области политики никогда не бывает недостатка в охотниках выплеснуть вмѣстѣ с водой из ванны и ребенка. Считать, что уличное возстаніе и, как его средство, баррикада есть тот мечь, которым можно, по методу Александра Македонскаго, «очень просто» разрубить

Гордіев-узел, — конечно, нелѣпо. Но откуда этот скачек, это умозаключеніе, что баррикадное, уличное возстаніе есть вообще анахронизм?

Быть может, такая борьба теперь просто *недостаточна*: быть может, она нуждается теперь лишь в кое-каких усовершенствованіях и дополненіях, соотвѣтственно новым, болѣе совершенным орудіям противника; быть может, баррикада, эта единственная «ультима раціо» прежних революціонеров, способна занять в предстоящей рѣшительной борьбѣ хотя и скромное, но все-же свое вполнѣ опредѣленное мѣсто среди цѣлаго ряда других, новых и старых, средств и пріемов революціи? Чтобы рѣшить эти вопросы, посмотрим, со слов тѣх же марксистов, чѣм была, какую собственно роль играла баррикада в прежних революціях?

Как Энгельс в своем извѣстном предисловіи к «Классовой борьбѣ во Франціи», так и Парвус в своей статьѣ о «Политической массовой стачкѣ» (в ж. Нейе Цайт, XIV, №№ 36 и слѣд.), так и Каутскій в своих недавних статьях об «Различных революціонерах» в том же журналѣ единогласно утверждает, что не баррикадой — «самой по себѣ» прежніе революціонеры побѣждали враждебныя им силы войска, а ея, так наз., *моральным*, точнѣе — *дезорганизующим* вліяніем. Ни в какой еще революціи, даже самой побѣдоносной, инсургенты не превосходили своей чисто-матеріальной силой организованнаго и многочисленнаго противника. В численном, организованном, военно-стратегическом отношеніи правительство — всякое, как старое, так и современное — всегда несравненно могущественнѣе революціонеров, и послѣдніе никогда не выходили бы побѣдителями в неравной борьбѣ, если бы им не удавалось вносить в ряды своих противников сильнаго *дезорганизующаго элемента*. Вѣрнѣйшим средством для этого служила в прежнія времена баррикада. Энгельс пишет об этом так: «Даже в классическую эпоху уличных сраженій — баррикада дѣйствовала болѣе морально, чѣм матеріально. . .

Но не будем предаваться относительно этого никакой иллюзіи: настоящая побѣда возстанія над войском в уличной борьбѣ, побѣда как бы в битвѣ между двумя арміями, принадлежит к величайшим рѣдкостям. Но на это столь же рѣдко разсчитывали и сами инсургенты. Их задача сводилась лишь к тому, чтобы путем моральных воздѣйствій внести в войско дух нерѣшительности. Удастся им это, войска откажутся дѣйствовать или начальники их потеряют голову, и возстаніе побѣждает».

Но спрашивается: в чем именно заключается моральное дѣйствіе баррикады в революціонной борьбѣ? «Она задерживала марширующія войска — говорит Парвус — и тѣм самым приводила их в замѣшательство, не давала им время придти в себя, одуматься».

Послѣдній психологическій момент играет, по его мнѣнію, значительную дезорганизующую роль в таких случаях. В уже упомянутой выше статьѣ его мы читаем:

«Говорят, что раз только мы склонили на свою сторону г о л о в ы солдат, то тѣм самым мы пріобрѣли и штыки. Этим формально правильным силлогизмом должно пользоваться на практикѣ с крайней осторожностью. Уже одно завоеваніе «голов» является довольно сомнительным дѣлом, Мы не должны закрывать глаз на то, что степень сознанія, которая может быть пріобщена народу, в условіях капиталистическаго общества, крайне ограничена. Хотя соціальдемократическая программа, как тому учит нас опыт, необычайно быстро проникает в пролетарскія массы, но уже это одно доказывает, что тут мы имѣем дѣло болѣе с настроеніем, чѣм с убѣжденіем. . . »

Отсюда Парвус заключает, что такое оппозиціонное н а с т р о е н і е, проникшее и в ряды солдат, легко подавляется цѣлой системой мѣр военной муштровки, дисциплины и организаціи; но за то сравнительно столь же легко оно вновь возрождается при столкновеніи с вліяніями, противоположными и враждебными казарменным внушеніям. Пробудить в солдатах, выведенных против инсургентов, такое оппозиціонное настроеніе, пробудить их от гипноза военной дисциплины, заронить в

щих дух рефлексіи, сомнѣнія, жалости и т. д. — такова была, главным образом, задача старо-революціонной баррикады. Не побѣдить, а дезорганизовать врага — было ея важнѣйшей миссіей. В чисто стратегическом отношеніи, — говорит Парвус, — она и прежде не играла никакой роли, скорѣе наоборот: «Кажется парадоксальным, а все же т а к т и ч е с к а я польза баррикады значительно слабѣе для народа, чѣм для командиров войск. Первому она дает лишь очень слабое прикрытіе, для послѣдних она является весьма подходящим пунктом нападенія. . . .»

Что же отсюда слѣдует?

Если вся или главная сила баррикады не в ея матеріальном или военно-стратегическом значеніи для защищающихся, а в ея моральном, дезорганизующем воздѣйствіи на нападающих, то спрашивается: почему бы ей и теперь не сыграть подобную же роль в столкновеніи с войсками, особенно если принять во вниманіе, что оппозиціоннаго п а с т р о е н і я в рядах этих послѣдних можно, думается нам, ожидать теперь с еще большим основаніем, чѣм каких либо сто или пятьдесят лѣт тому назад?

Но против этаго у Парвуса и Каутскаго имѣются довольно вѣскія соображенія. Вѣдь, при теперешних прямых и широких улицах больших городов, — говорят они, — да при современных военно-технических усовершенствованіях «каждая баррикада могла бы быть сметена на самом далеком разстояніи». Уж если даже в сороковых годах — говорит Парвус — тактическій перевѣс во время уличной борьбы был на сторонѣ войска, то было бы слѣпым безумієм при крайне утонченной оружейной техникѣ нашего времени захотѣть рискнуть насильственным сопротивленіем против войска». Парвусу вторит Каутскій: Сегодня поразить правительство вооруженным сопротивленіем — говорит он — стало невозможным даже по отношенію к самому слабому, безголовому режиму, в виду современнаго вооруженія. Сегодня не только оружія войска значительно страшнѣе, чѣм пятьдесят

лѣт тому назад, но и народ значительно безоружнѣе. В наше время нельзя уже самому лить пули к ружьям; даже если-бы удалось захватить ружья в каком либо арсеналѣ, они безполезны без особых к ним патронов... Нельзя потому ожидать, — заключает отсюда Каутскій, — что вооруженное возстаніе народа могло бы произвесть еще то громадное нравственное вліяніе, которое необходимо для того, чтобы правительство потеряло голову »...

Итак, уличное вооруженное возстаніе еще не так страшно для правительства, чтобы заставить его потерять голову: оно чувствует себя достаточно сильным, чтобы расправиться с ним. Ну, а если движеніе выйдет за предѣлы больших городов, если одновременно с уличными манифестаціями в крупных центрах будут происходить движенія в деревнях? Не заставит ли это правительство страшно раздробить свои силы, не ослабит ли это его? И развѣ долгія маршировки из деревни в деревню для усмиренія не представляют достаточно психологических моментов для раздумья, рефлексіи, пробужденія сомнѣній, колебаній, словом, выражаясь на языкѣ военных, «деморализаціи» войска? Развѣ навстрѣчу этому не может пойти прямая пропаганда среди солдат, приспособленная к их психологіи, образу жизни, непосредственным страданіям? Да, наконец, развѣ нѣт непосредственных орудій и методов внесенія дезорганизаціи в правительственный механизм? Порча телеграфов, телефонов, путей подвоза войск, уничтоженіе пороховых складов, нападеніе вооруженных групп, боевых дружин на отдѣльных наиболѣе видных «полководцев» правительственных репрессій и на цѣлыя правительственныя учрежденія — развѣ все это не средства произвести необходимое замѣшательство? Говорят, что современная военная техника дала огромныя орудія в руки милитаризма. Но развѣ эта техника не может быть обращена на службу революціи? Македонскіе революціонеры взрывами поѣздов умѣли парализовать передвиженіе войск; армянскіе революціонеры взяли Оттомлнскій Банк и бомбами осыпали нападающих, создав себѣ цѣлую импровизированную

крѣпость. Террористическія средства борьбы могут быть примѣнены не только к единичным покушеніям, но и к дѣйствіям вооруженных групп, самым непосредственным образом связанным с движеніями масс. Порою может оказаться достаточным снять хорошим выстрѣлом начальника отряда, чтобы наступило моментальное замѣшательство, которым толпа может воспользоваться, смѣшавшись с солдатами, разединяя их, избѣгая при этом, однако, их провоцировать. Когда критикуют вооруженное возстаніе, то обычно стремятся упростить картину до нелѣпости: выходит какое то заранѣе назначенное рандеву между народом и войсками; лицом к лицу становятся, с одной стороны, пѣхота, конница и артиллерія, с другой, толпа кое-как вооружавшагося народа; затѣм дается сигнал, происходит битва — и, конечно, войско побѣждает. Но развѣ в войнѣ всегда дѣло рѣшается одними открытыми сраженіями, наступленіем сомкнутым строем? При извѣстных условіях гораздо выгоднѣе утомить противника партизанской войной, ночными вылазками, нападеніями в обход и стылу, неожиданными диверсіями, и революціонеры, перед которыми, как в Россіи, стоит неизбѣжная перспектива насильственнаго переворота, конечно, должны быть крайне осторожны и расчетливы с непосредственными аттаками, большой толпой своих противников; для таких аттак, во всяком случаѣ, должна быть заранѣе подготовлена почва цѣлым рядом предварительных цѣлесообразных организованных актов, каждый из которых может быть выполнен сравнительно небольшим, но заранѣе спѣвшимся отрядом участников. Итак, организація боевых дружин, имѣющих цѣлью подготовить и облегчить задачи массового движенія, особенно в стихійно благопріятные для него моменты; организація этих дружин, ставящих себѣ цѣлью внести замѣшательство и дезорганизацію в отправленія боевого механизма современнаго государства; координированіе дѣятельности этих дружин прочным центральным органом — вот что, несомнѣнно, может содѣйствовать силѣ впечатлѣнія, производимаго непосредственными волненіями масс на воротил «продержащей власти».

Что касается спеціально войска, то сам же Каутскій признает — в своем спорѣ с Люсней — полную возможность и солдатских бунтов, и кровавой вооруженной борьбы между двумя фракціями войска. Да и странно было бы не допустить этого. Развѣ при всѣх революціях не имѣло мѣсто братанье народа с частью солдат? Развѣ теперь пропаганда идет не шире, чѣм раньше? Развѣ болѣе короткій срок военной службы не облегчил дѣло пропаганды среди солдат, не сдѣлал менѣе могучим гипноз «дисциплины»? Развѣ всеобщая воинская повинность не подорвала кастоваго духа прежних войск? При таких условіях революціонное возстаніе народа способно произвести «моральное» и дезорганизующее вліяніе на войско не менѣе, чѣм пятьдесят и сто лѣт тому назад. А раз только мы предположим это, то, спрашивается, почему же так безнадежно смотрѣть на вооруженную инсурреккію народа? Откуда этот пессимизм? Почему исключена возможность, что войска частью окажутся бездѣятельными и пассивными, частью будут дѣйствовать крайне вяло, а то прямо примкнут нѣкоторою своею частью к возставшему народу, помогут ему добыть не только достаточно ружей, но и «особых к ним патронов»? *) Почему исключена возможность, что в особых, подходящих к тому пунктах города, гдѣ как-ни-как, все же не без узких и извилистых переулков, баррикада могла бы сыграть свою защитительную и дезорганизирующую роль; почему представлять себѣ так называемую баррикадную борьбу исключительно в традиціонной, стереотипной формѣ; почему напр. из подходящих частных или общественных, даже правительственных зданій не могут быть также устроены своеобразные «баррикады» своего рода форты Шаброля, которые не так то легке «смести на далеком разстояніи».

Вѣдь, сами же, Каутскій и Парвус увѣряют нас, что в

*) Насколько мнимы многія препятствія, непреодолимость которых так легко признается Каутским, можно

таких случаях важно главное, выиграть время, дать солдатам, пригнанным из казарм непосредственно на улицы, одуматься, придти в себя; что в чисто военно-техническом отношеніи баррикада никогда не имѣла никакой роли, что «взять» ее никогда собственно не представляло затрудненія, но что не в этом заключалась сущность дѣла. А потому впадать в крайность и отрицать даже и за «баррикадой» всякое значеніе в предстоящей революціонной борьбѣ нѣт никакого основанія; но еще менѣе есть основанія из устарѣлости баррикадной борьбы, как исключительнаго метода революціи, заключать о полной невозможности, безполезности «даже безуміи» вооруженнаго возстанія вообще, о необходимости «во что бы то ни стало» невооруженной революціи, революціи «со скрещенными на груди руками». Как будто кромѣ баррикады предстоящая революція не может располагать еще другими средствами защиты и нападенія!

У самого Каутскаго вырывается под час полу-признаніе в невозможности «мирной» революціи в наше время, но такое полупризнаніе дѣлается так, мельком, как не важное, или же облекается в туманную «дипломатиче-

---

видѣть хотя бы на этом частном пунктѣ его аргументаціи Вот что читаем мы в № 175 «Русск. Вѣд.»: 7-го іюня кавказским военно-окружным судом в Александрополѣ разбиралось дѣло о кражѣ патронов из александропольскаго оружейнаго склада. 25-го декабря 1903 г. в складѣ были похищены боевые патроны: 1) Бердана 437 ящиков с 503.389 патрон. 2) Пибоди 30 ящиков с 30.000 патр., 3) револьверных Смита и Вессона 46 ящиков с 66.240 п., и кромѣ того 30.115 гильз с вставленными капсюлями для холостых бердановских патронов» ...

Похищенное не разыскано и главные виновники — также. По всей видимости похищенное пошло на дѣло армянскаго революціоннаго движенія. Осуждено судом нѣсколько рядовых армян, при посредничествѣ которых произошло похищеніе.

скую» форму, допускающую самыя противоположныя толкованія. Так, в своей извѣстной брошюрѣ о соціальной революціи, в главѣ посвященной «формам и орудіям» этой революціи, Каутскій пишет: «Приближающаяся революція будет походить менѣе на внезапное возмущеніе против правительства и болѣе на продолжительную гражданскую» войну, менѣе приближаться к типу французской революціи и болѣе к типу реформаціонных войн». Читая это признаніе, проникаешься уже изумленіем, как тот же Каутскій в самоновѣйших своих статьях о революціи может рисовать нам картину предстоящей революціи в самых «мирных» красках, в формѣ простой массовой стачки при строгом соблюденіи «цѣлесознательной пассивности». Вѣдь, прочтя вышеприведенныя строки, невольно вспоминаешь болѣе близкую к нам революціонную картину Парижской Коммуны 71-года, этот по-истинѣ «новый тип», — если хотите «пролетарскій метод», — революціи; невольно представляешь себѣ эту наступающую революцію в видѣ Парижской Коммуны, повсемѣстной, разлившейся ярким заревом по всѣм городам и весям, вооруженной с головы до ног... Вѣдь говорит же Каутскій о «продолжительной гражданской войнѣ». Но мало ли что говорит Каутскій, — надо послушать еще, как он свои же слова тотчас же оговаривает: с этими словами (т. е. «продолжительной гражданской войной») «не слѣдует — пишет он — соединять понятія о настоящих войнах и бойнях»; такая война возможна-де «и без вооруженных инсуррекцій, без баррикадных битв, — по крайней мѣрѣ, не им будет принадлежать рѣшающая роль» (см. брошюру о соціальной революціи, стр. 48).

Итак, понимай, как знаешь: то тебѣ говорят, что предстоящая революція будет продолжительной войной на подобіе той, как имѣла мѣсто в період реформаціи (крестьянскія войны, Іоанн Лейденскій и т. д.), то тут же в слѣдующей строкѣ оговариваются — но без вооруженных инсуррекцій и баррикадных битв, мирно, благородно; то послѣднія допускаются без «рѣшающаго» лишь значенія; то единственной формой пролетарской револю-

ція провозглашается мирная — во что бы то ни стало — массовая политическая стачка... Подумаешь, сколько языков-то выросло во рту у современных ортодоксальных марксистов! Сколько рѣшеній — взаимно исключающих — дают они навопрос первостепенной важности, требующій непремѣннаго опредѣленнаго рѣшенія!

* * *

Но как ни спутанны, туманны и противорѣчивы слова и разсужденія современных марксистов, симпатіи, тенденціи и надежды их много опредѣленнѣе и яснѣе: онѣ всецѣло принадлежат «цѣлесознательной пассивности», массовой миролюбивой стачкѣ, безировной революціи. Что массовая стачка может сыграть чрезвычайно важную роль в смыслѣ подготовленія революціоннаго возстанія, для нас несомнѣнно. Но мы считаем всеобщую стачку лишь п р о л о г о м революціи, а не ея з а м ѣ н о й. Не так смотрят на дѣло современные марксисты. Им все хотѣлось бы замѣнить революціонно-массовой стачкой.

«Что не может уже болѣе удаться баррикадной борьбѣ, — читаем мы у Каутскаго в его статьѣ «Различные Революціонеры», стр. 694, — то должна осуществить политическая стачка, а именно дезорганизовать правительство и принудить его к отступленію. Она сбратится в испытаніе силы между государственной и пролетарской организаціей. Одним ударом все производство пріостанавливается, массы рабочих выступают на улицу, мелкая и крупная буржуазія исполняется безумнаго ужаса за свою жизнь, за свою собственность; вся вооруженная сила принуждается к постоянной, изнуряющей дѣятельности, ибо всякій собственник в странѣ требует от нея защиты, масса праздных рабочих повсюду и нигдѣ, избѣгая всякаго столкновенія с вооруженной силой, повсюду собираясь гдѣ нѣт этой послѣдней (!) Всякій слѣдующій день такой стачки усиливает антагонизмы, раздвигает рамки стачки в тѣ мѣста сельских округов, гдѣ встрѣчается

индустрія или крупное землевладѣніе, умножает число угрожаемых пунктов, напрягает усилія войск обостряет страданія и разжигает страсти стачечников (NB. Здѣсь Каутскій понимает, очевидно, сельско-хозяйственных рабочих, а не крестьян, ибо о них напр. у него ни слова. Люсня относит их к противникам революціи), усиливает страх собственников, переполох правительства, которое в одном мѣстѣ прибѣгает к жесточайшим и безсмысленнѣйшим насиліям (NB!), в другом — к трусливой уступчивости, безпрестанно со всѣх сторон осаждаемое просьбами положить конец всему этому тѣм или иным способом и не располагающее никакой возможностью подавить пассивное сопротивленіе, к которому нигдѣ нельзя придраться (!) и которое все же парализует его (правительство) на всѣх углах и перекрестках ...

Удастся стачечникам сохранить свое единство и свою дѣлесознательную пассивность, до тѣх пор, пока они дезорганизовали правительственную власть в каком либо пунктѣ, тѣм ли, что им удастся переманить к себѣ факторы, в которых правительство нуждается (?), или тѣм, что само правительство своими распоряженіями, контрраспоряженіями, замѣшательством, порождает слабость и растерянность в средѣ своих агентов, — тогда пролетаріат на пути к побѣдѣ; имущіе классы теряют увѣренность, что правительство в состояніи их защитить, среди них растет опасеніе, как бы дальнѣйшее продолженіе сопротивленія не принесло им бѣды, они осаждают правительственную власть совѣтами, просьбами уступить, они оставляют ее на произвол судьбы .. И наоборот, если правительство настолько сильно, что в состояніи противостоять стачкѣ до тѣх пор, пока сила рабочих истощится, пока им останется лишь альтернатива — или вновь вползать в ярмо или искать в отчаянном насильственном дѣяніи того успѣха, котораго они не могли завоевать революціей скрещенных рук, — тогда торжество правительства вѣроятно»...

Хорошо расписывает Каутскій! Не все только в его «расписаніях» гармонирует друг с другом. Он сам же в

других мѣстах говорит, что всеобщая стачка не может длиться очень долго; а здѣсь он ждет от нея таких результатов, для порожденія которых нужен очень большой промежуток времени. Он сам говорит о необходимости мирнаго, строго легальнаго поведенія стачечников, и сам же вводит в свой разсчет паническій страх за свою жизнь и собственность, который невѣдомо с чего должен охватить имущих с самаго начала стачки. Он ухитряется одновременно ввести в свой рсчет и «пассивное сопротивленіе, к которому никак нельзя придраться» и «разжиганіе страстей стачечников», при котором «всякій собственник в странѣ требует защиты». И в концѣ концов всѣ надежды возложены на «авось», авось правительство растеряется, наглупит, оттолкнет от себя всѣх своих защитников — и тогда дѣло в шляпѣ. Эдмунд Фишер совершенно справедливо замѣтил по этому поводу в «Соціалист. Ежемѣсяч.», что размалевывать подобные планы революціи хорошо лишь, сидя у себя дома за печкой. В дѣйствительности же, как на это не менѣе справедливо указал В. Гейне в том же журналѣ, «в Германіи всякая всеобщая стачка, хотя бы самая мирная в началѣ, спустя нѣсколько часов, привела бы к нападенію вооруженной силы на безоружныя массы». По его мнѣнію, всякая массовая политическая стачка была бы прелюдіей к насильственной революціи; кто не хочет послѣдней, не должен хотѣть и первой. Поэтому то всѣ германскіе соціальдемократы-оппортунисты, за исключеніем Эд. Бернштейна, против всеобщей стачки; они боятся стачки; ибо превосходно знают, к чему бы она повела. Даже сам Каутскій допускает возможность «жесточайших и безсмысленѣйших насилій» со стороны правительства в отвѣт на мирную легальную стачку. Такія насилія и провокаціи будут, конечно, на каждом шагу: на карту будет вѣдь поставлено «быть или не быть» всего стараго режима. Но и из среды самих рабочих классов можно ожидать штрейкбрехеров; неорганизованные рабочіе, безработные, люмпенпролетаріат будут вербуемы правительством в явный ущерб конечному успѣху стачки.

Можно ли надѣяться, что и тут стачечники сохранят спокойствіе и не прибѣгнут к насилію надъ измѣнниками общему дѣлу? Да можно ли и желать этого? Кромѣ того, уже и теперь правительство в Италіи, Австріи и Голландіи милитаризируетъ цѣлыя категоріи рабочих (особенно желѣзнодорожных) в видах предохраненія себя от отдаленной перспективы всеобщей стачки. Стакнувшіеся рабочіе, состоящіе в резервѣ, принуждаются уже в качествѣ солдат исполнить тѣ самыя работы, которыя они оставили, как рабочіе. Что тогда? Не повиноваться? Но, вѣдь, это значит совершить крупнѣйшее дисциплинарное преступленіе, особенно если правительство об-явит военное положеніе; это — такое же дезертирство, такой же акт возстанія, как и отказ всякаго вообще солдата от повиновенія своему начальству. Мы не считаем такого отказа невозможным; но тот, кто поставит голову на карту, когда рѣчь пойдет о рѣшительном ударѣ, поколеблется, когда вопрос пойдет о проблематическом значеніи его неявки, в качествѣ солдата, на предписанныя ему работы. Вот почему случаи отказа здѣсь бывают лишь единичными и изолированными. Итак, цѣлый ряд работ станет исполняться солдатами, подрѣпленными, к тому же, добровольческой буржуазной молодежью. Вообще, к массовой политической стачкѣ современныя правительства сумѣют превосходно подготовиться, с такой стачкой сумѣют они и сравнительно легко справиться, раз они будут уже заранѣе гарантированы в благонравном поведеніи стачечников, в их «цѣлесознательной пассивности» во что бы то ни стало. Вѣдь, что ни сдѣлай тогда правительство, все стерпится,— и насиліе, и надувательства, и провокаціи, и истребленіе всякой движенія; вѣдь настанет благородная пора массовой «пролетарскаго» непротивленія злу насиліем! Возможна ли, осуществима ли вся эта новѣйшая пролетарская толстовщина? Возможна, полагаетъ Пановус. В «хлаинокровіи» и выдержкѣ народа он не сомнѣвается. «Общественный класс», — говорит он, — который уже заранѣе организован, способен выдержать в своем пассивном сопротивленіи». Но и матерьяльно ра-

бочій классъ, по его мнѣнію, способенъ провести всеобщую стачку до успѣшнаго конца, не прибѣгая къ какимъ бы то ни было насильственнымъ мѣропріятіямъ; стачечныя кассы, симпатіи среднихъ бюргерскихъ слоевъ съ ихъ обильными пособіями, кредитъ лавочниковъ, потребительныя общества... Но спрашивается: а если всего этого все таки не хватитъ, если возникнетъ голодъ, объявятся болѣзни? А если лавочники, добровольно или подъ давленіемъ правительства закроютъ кредитъ? А если средніе бюргерскіе слои не станутъ жертвовать на стачку, служащую цѣлямъ революціи пролетаріата? Вѣдь это по меньшей мѣрѣ возможно! А если потребительнымъ обществамъ кто нибудь помѣшаетъ исправлять ихъ вспомогательную роль? Что тогда?... Послушаемъ, напримѣръ, что по этому поводу пишетъ голландскій соціальдемократъ Влиген, ставшій изъ приверженца всеобщей стачки (онъ же былъ и членомъ стачечнаго комитета въ послѣдней голландской массовой стачкѣ) ея самымъ рѣшительнымъ противникомъ:

«Какую цѣль преслѣдуетъ всеобщая стачка? Чѣмъ она можетъ произвести давленіе на господствующіе классы? На это отвѣчаютъ: прекращеніемъ производства. Но спрашивается: кто первый будетъ страдать отъ этого? у кого перваго не хватитъ пищи? кто первый станетъ мерзнуть? Пролетарій.. Мы видѣли это здѣсь, въ Амстердамѣ, въ апрѣлѣ этого года. Портовые рабочіе забастовали, товарное движеніе на желѣзныхъ дорогахъ было пріостановлено Булочники не работали. И каковъ былъ результатъ? То, что имущіе закупили во всемъ городѣ съѣстные припасы, и женамъ рабочихъ пришлось выносить страшное повышеніе цѣнъ... Словомъ всеобщая стачка дѣлаетъ жизнь невозможной, но смерть стучится прежде всего въ двери пролетарія. Чтобы спасти самаго себя, пролетаріатъ долженъ опять приступить къ работѣ.»

«Наши утопическіе аденты всеобщей стачки — продолжаетъ Влиген — любятъ возражать на это указаніями на наши кооперативныя товарищества. Но что можетъ помѣшать правительству конфисковать пролетарскіе магазины и заключающіеся въ нихъ припасы употребить на «общую»

пользу, хотя бы уж затѣм чтобы такой мѣрой перемануть к себѣ люмпенпролетаріат?... *)

Так говорит чѣловѣк практик, знающій суровую реальную дѣйствительность, как свои пять пальцев, и потому не способный увлекаться утопическими иллюзіями многих ортолоксально-марксистских литераторов, бросающихся из одной односторонности в другую. Им мало признать всеобщую стачку лишь одним из средств революціонной борьбы с правительством, крайне, конечно, важным, дающим с одной стороны возможность мобилизировать в самый краткій момент и в сравнительно безопасной формѣ громадныя массы народа, чтобы двинуть их на аттаку враждебнаго им режима, с другой — парализировать, врага посредством экономическаго бездѣйствія рабочих их отказа от исполненія, болѣе или менѣе, важных для него производительных функцій. Но в качествѣ единственнаго и исключительнаго средства революціонной борьбы, да при том непремѣнно «мирнаго», законнаго, недопускающаго никаких иных, дѣйствительных средств, хотя бы это было удаленіе силою штрейкбрехеров или даже защита своих потребительных магазинов, массовая политическая стачка есть розовая мечта все болѣе тяготѣющаго к маніловщинѣ марксистскаго революціонизма. Чрезмѣрныя, крайне оптимистическія надежды Каутскаго, Парвуса и др. на такую стачку уже и теперь разбиваются в прах суровыми уроками окружающей нас дѣйствительности. В Бельгіи мирныя массовая стачка принесла частичный политическій успѣх лишь в первый раз, когда коміцующіе классы не успѣли еще приспособиться к этому новому средству пролетарской оппозиціи. Во второй раз, два года тому назад, всеобщая стачка потерпѣла самое постыдное фіаско и притом именно потому, что поставила на очередь перспективу вооруженнаго столкновенія, перед которою бельгійскіе соціалисты растерянно отступили.

---

*) См. его интересную статью об этом предметѣ в жур. «Новое Время», 1903 г. № 6

Полным пораженіем закончились и новѣйшія стачки в Голландіи и Венгріи. Шведская политическая стачка для завоеванія всеобщаго избирательнаго права закончилась, сравнительно, удачно, но замѣчательно: весь центральный комитет шведской соціалъ-демократіи, с Брантингом во главѣ, доводят теперь до всеобщаго свѣдѣнія (см. Новое Время, № от 11 іюня 1904 г. стр. 846), что в случаѣ возможнаго в будущем повторенія подобной же стачки, шансы на побѣду будут уже значительно меньше, — буржуазія не ожидала-де этой стачки, да и расчитана была эта послѣдняя всего на нѣсколько дней, была, в сущьности, одной лишь мирной демонстраціей и т. п.

Замѣтьте, что в приведенных примѣрах шла рѣчь о завоеваніи всеобщей стачкой тѣх или иных частичных политических прав или экономических выгод, а не о захватѣ рабочим классом всей государственной власти, не о соціальной революціи. Понятно, что противодѣйствіе господствующих классов всеобщей стачкѣ в послѣднем случаѣ было бы несравненно болѣе рѣшительно, а шансы торжества рабочих сократились бы прямо до нуля.

В частности, у нас, в Россіи, надо по-истинѣ сбиснуться прежде, чѣм мечтать о таком чисто-аркадском методѣ крупнаго государственнаго переворота. Послѣдній может быть у нас осуществлен лишь цѣлой системой мѣр и средств чисто-революціоннаго характера, всеобщим вооруженным возстаніем, как городского, так и сельскаго пролетаріата в тѣсном цѣлесознательном союзѣ с трудовым крестьянством. Пролетарскій метод революціи, метод парижской коммуны и всеобщей стачки в гармоническом соединеніи с крестьянским методом революціи всеобщаго и непосредственнаго «чернаго передѣла» и с испытанным террористическим методом «Народной Воли», направляющим свои удары непосредственно в наиболѣе отвѣтственные и руководящіе центры вражескаго лагеря,— такова в общем та система мѣр, которой можно надѣяться нанести рѣшительный и вѣрный удар россійскому самодержавно-буржуазному царству, таков в своей сложности метод выдвигаемый нами, русскими, соціалистами-рево-

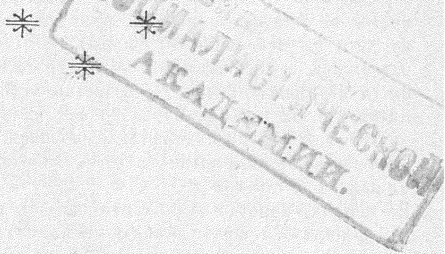
люціонерами.

Всеобщая забастовка городского пролетаріата, нападеніе части городскихъ фабрикъ и заводовъ въ революціонные бастіоны, завлад'ніе общественными и правительственными зданіями, провіантскими складами и складами, баррикадная борьба въ соотв'єтственныхъ тому м'єстахъ; воззванія, плакаты, собранія; женское и д'єтское населеніе, все, неспособное принять активное, боевое участіе въ борьб'є, наполняетъ городскія площади и улицы, внеся въ сердца солдатъ жалость и смущеніе; уничтоженіе телефонныхъ и телеграфныхъ сношеній между правительственными зданіями и агентами, перер'єзываніемъ проволокъ и истребленіемъ аппаратовъ; ц'єлый рядъ внезапныхъ террористическихъ ударовъ; исполняемыхъ спеціально къ этому подготовленными боевыми группами; перенесеніе возстанія въ пригорода, селы и деревни, поднятіе многочисленнаго крестьянства во имя земли и воли; привлеченіе на свою сторону хотя бы небольшихъ отд'єльныхъ солдатскихъ взводовъ и баталіоновъ, и при всемъ томъ — быстрота и натискъ, см'єлость и р'єшительность. «Возстаніе есть искусство, — писалъ въ 1852 г. Карлъ Марксъ, — все одно какъ и вс'є другія искусства и подчинялся тому же извістнымъ правиламъ, пренебреженіе которыми ведетъ къ гибели партіи, провинившейся въ таковомъ...

Во первыхъ, никогда не сл'єдуетъ играть въ возстаніе, если нѣтъ р'єшимости противостоять всѣмъ послѣдствіямъ этой игры. Возстаніе есть вычисленіе съ неопред'єленными величинами, которыя измѣняются каждый день. Боевыя силы, противъ которыхъ придется бороться, имѣютъ преимущества организаціи, дисциплины и традиціоннаго авторитета всецѣло на своей сторонѣ; и если нельзя будетъ выдвинуть противъ этого достаточно крупныхъ силъ, то возстаніе будетъ разбито и уничтожено. Во вторыхъ, разъ возстаніе начато, надо д'єйствовать съ величайшей р'єшимостью и перейти къ наступательной тактикѣ. Пассивно-оборонительная тактика есть смерть всякаго вооруженнаго возстанія; въ этомъ случаѣ оно будетъ проиграно еще раньше, чѣмъ удастся помѣряться съ врагомъ.

Застигнуть врасплох противников, пока их силы раздроблены, разсѣяны, подготовлять изо дня в день новые успѣхи, хотя бы и незначительные; поддерживать тот моральный перевѣс, который дает первая удача; привлекать на свою сторону тѣ колеблющіеся элементы, которые всегда слѣдуют лишь наиболѣе могущественному толчку и заботятся о своей безопасности; принудить врага отступать, пока он еще не успѣл собрать против вас всѣ свои силы; словом употребляя выраженіе Дантона, величайшаго из всѣх извѣстных до сих пор знатков революціонной тактики, — смѣлость, смѣлость и еще раз смѣлость!»

(Революція и Контрреволюція в Германіи)...


СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.